

В.М. Зубарь

РИМСКАЯ КРЕПОСТЬ ХАРАКС

V. M. Zubar. The Roman castle Charax.

It is already well known, that in the second half of II – first half of III cc. the Chersonesos was the main point of Roman military presence in Taurica. But Roman troops were present as well in other places of South-West and South Krimea. One of such places was Charax. Monuments connected with presence of Roman troops of Roman army on the Ai-Todor cape were published and used in a scientific works but, till now still absent general historian-archeological work devoted to this castle. That's why author consider that it is very important apply to materials of this monument and on the base of complex search of sources to show the place of this Roman point in the history of Taurica.

On the base of analyzing of results of archeological researches in an article was given information about fortifications, inside buildings, terms and other buildings, which were fixed on Ai-Todor. Using the information detected from lapidary and ceramic epigraphic, author search the topic about quality and quantity content of Roman garrison of Charax and search about chronological frames of Roman military presence in this place.

Author think that Roman garrison on the Ai-Todor cape first appeared in 60-th of I c. at the time of military expedition of T. Plavius Silvanus, when on the ships of Ravennian squadron soldiers of navy were moved to Taurica. Exactly in that time on that cape Roman militaries began erection of point of support. Now we may speak about it only on the base of tiled fragments with Latin stamps because any strong traces of buildings of third quarter of I c. still not found. But Roman garrison at the South coast of Taurica was present there not for a long time and possibly was moved out because of events of civil war in Rome of 68-69.

At the beginning of 20-th of II c. Roman garrison was fixed on the territory of Charax again. But it is still not clear whether it was located here until year 166 or it was short presence of troops connected with some unknown and extraordinary event of history of Black Sea coast area. In the third quarter of II c., as Latin inscription of 1984 witnessed, Roman troops already kept building works on Ai-Todor and from that time until second quarter of III c. vexillation all the time was based here. There are some foundations for the conclusions about working of lighthouse there and Roman troops controlled wide territory in a nearest environs and observed for the sailing along the South coast of Taurica.

Now it is very difficult to say, when Roman troops left the castle. M. I. Rostovtsev considered that it was somewhere nearly year 244 and in possibly was connected with preparations of Philippus Arabus (244-249) to war against barbarians, who threatened to Thrakia and Mesia. But possibly, that Roman garrison left Charax in the second half of 30-th of III c. Because of earthquake when may be destroyed defending fortress and water pipes. After leaving of Roman soldiers Ai-Todor cape was occupied by representatives of Goths tribes, who made a graves with cremations in the neighborhood of ex-Roman point of support. Possibly, that their location there was agreed with Roman administration, which had in barbarians as allied of the Roman empire.

Основным пунктом римского военного присутствия в Таврике был Херсонес, где на протяжении второй половины II – первой половины III вв. находилась штаб-квартира римского военного командования, которое осуществляло контроль за военно-политической обстановкой в регионе (Зубарь 1994: 41 – 60). Однако, помимо Херсонеса, римские войска дислоцировались и в других пунктах Юго-Западного и Южного Крыма, одним из которых был Харакс (Рис. 1). Несмотря на то, что памятники, связанные с дислокацией римских военнослужащих на мысе Ай-Тодор, неоднократно публиковались и использовались в научных работах общего плана, до настоящего времени отсутствует обобщающий историко-археологический очерк, посвященный римской крепости Харакс. Поэтому представля-

ется целесообразным еще раз вернуться к этому памятнику, а также попытаться на основе всего имеющегося материала рассмотреть место и роль этого римского опорного пункта в истории Таврики первых веков н. э.

Харакс, название которого интерпретируется как укрепленное место, кастель (Ростовцев 1900: 159; Фирсов 1990: 268 – 269), упоминается в письменных источниках только один раз Клавдием Птолемеем в «Географическом руководстве» (середина II в.). По мнению М.И. Ростовцева, его следует отождествлять с остатками городища, расположенного в семи километрах к западу от Ялты, на мысе Ай-Тодор (Ростовцев 1900: 159).

Мыс Ай-Тодор представляет собой окончание Гаспринского хребта. Это колоссальный

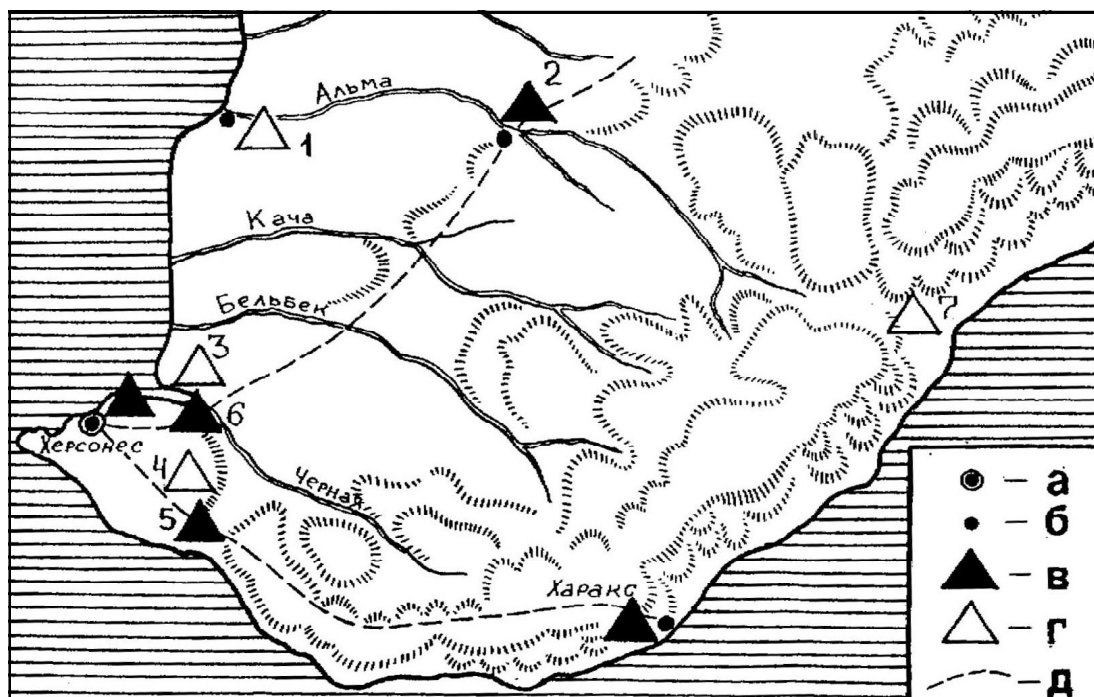

Рис. 1. Места дислокации римских гарнизонов в Таврике. 1 – Усть-Альминское городище; 2 – городище Алма-Кермен; 3 – Северная сторона современного г. Севастополя; 4 – Гераклеяский полуостров; 5 – Балаклава; 6 – высота Казацкая; 7 – Алуштинская долина.
а – города; б – городища; в – места стоянок римских войск; г – предполагаемые места стоянок римских войск; д – древние дороги.

блок грубослоистых известняков, наклоненных на 20 – 40° к северу, определяет его рельеф – скалистый дугообразный берег, отороченный развалами глыб. Верхушка мыса относительно ровная, а обращенный к северу разной крутизны склон переходит в седловину (Рис. 2). В ясный день с мыса Ай-Тодор четко видны Никитский мыс и Ай-Даг, а также горы в районе Судака, расположенного в 90 км северо-восточнее. В юго-западном направлении видимость ограничивается Лименским хребтом и горой Кошка у Симеиза. Ай-Тодорский мыс, таким образом, идеальное место для размещения на нем наблюдательного или сигнального поста на Южном берегу Крыма, чем и объясняется строительство здесь в 1865 г. маяка Гидрографического департамента Черноморского флота, который используется поныне (Фирсов 1990: 258 – 259). С юго-восточной стороны мыса Ай-Тодор имеется маленькая бухточка с ровным пляжем, которая была единственным местом для сооружения пристани. Именно в этой бухте и находилась гавань римской крепости, которую с востока прикрывал мыс, носящий название Лимен-Бурун, т. е. Мыс Гавани (Дьяков 1930: 7).

Впервые остатки крепости на мысе Ай-Тодор зафиксировал П. И. Кеппен в 1837 г. (Кеппен 1837: 192 – 193), а в 1849 г. здесь провел первые раскопки граф Шувалов, о результатах которых в 1873 г. лишь очень кратко упомянул В. Х. Кондараки (Кондараки 1873:169). Начало систематических археологических раскопок на

Ай-Тодоре было начато Великим князем Александром Михайловичем в 1896 г., а уже в следующем году Н. П. Кондаков в письме В. В. Латышеву отнес открытые здесь остатки к греко-римскому времени и атрибутировал памятник в качестве укрепленного городка (Дьяков 1930: 17-53). В интерпретации и публикации материалов из этих раскопок, которые велись с перерывами около 15 лет, принял активное участие М.И.Ростовцев, который не только отождествил это укрепление с Хараксом, но и определил его как место укрепленной стоянки римских войск. (Ростовцев 1900: 153 – 158). М.И.Ростовцевым были опубликованы план крепости, эпиграфические памятники, обнаруженные здесь, и дана краткая история римского военного присутствия в этом пункте Таврики (Ростовцев 1900: 140 – 158; Rostovzeff 1902: 80 – 95).

В ходе раскопок конца XIX – начала XX вв. были открыты и зафиксированы две крепостные стены с башнями и воротами, нимфей – бассейн для воды, термы, святилище бенефициариев и остатки других построек, возведенных на территории крепости римскими военными (Рис. 3), а также получен значительный вещественный материал и обнаружен целый ряд эпиграфических памятников (IOSPE 12: 674 – 683; Дьяков 1930:4; Блаватский 1951: 258). Материалы из этих раскопок хранились в Ялтинском музее, но во время Великой Отечественной войны частично погибли (Блаватский 1951: 250).

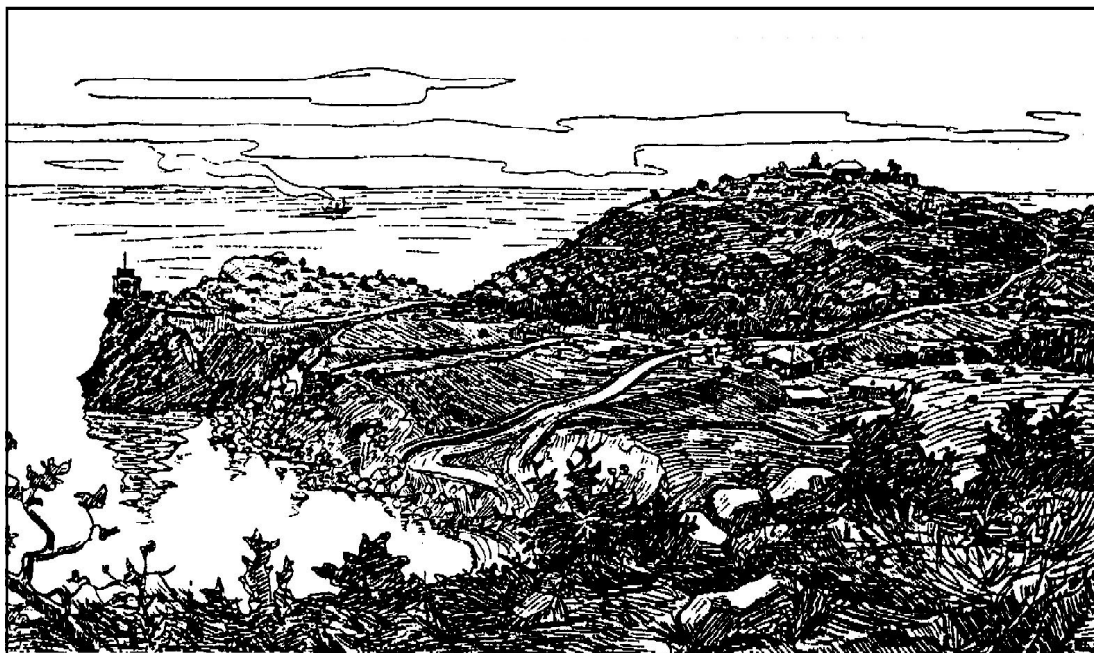

Рис. 2. Общий вид мыса Ай-Тодор. Рисунок с фотографии конца XIX в. по В.Н. Дьякову.

Новый этап археологических исследований на Ай-Тодоре начался в 30-е годы. В 1931, 1932 и 1935 гг. экспедиция под руководством В.Д. Блаватского провела исследование верхней и нижней оборонительных стен и пространства между ними, а также расчистила здание терм и нимфей, раскопанные еще в начале века (Рис. 4). Помимо работ на территории крепости, В.Д. Блаватский открыл некрополь второй половины III – IV вв., который принадлежал населению, жившему здесь после ухода римского гарнизона. Материалы этих раскопок были опубликованы. Причем, их публикацию предварял обзор всех известных в то время памятников из предыдущих раскопок Харакса (Блаватский 1951: 250-291).

В 1963 г. Крымский отряд экспедиции Института археологии НАН Украины (П.Н. Шульц, О.И. Домбровский, Л.В. Фирсов) провел разведку на территории Харакса и исследовал часть нижней оборонительной стены (Фирсов 1990: 269 – 278). После этих небольших по объему работ археологические исследования на территории Харакса были возобновлены Южнобережным отрядом Крымской экспедиции и Ялтинским музеем под руководством К.К. Орлова. В конце 70-х – начале 80-х гг. под его руководством были исследованы термы, проведены зачатки оборонительных стен, а также предприняты работы на территории некрополя и цитадели (Рис. 5). Было уточнено время возведения нижней оборонительной стены, терм и получен значительный вещественный материал, среди которого особо следует отметить черепицу с латинскими клеймами и обломки расписной штукатурки (Орлов 1978: 366 – 367; 1982: 298 – 299; 1984: 309 – 310; 1985: 331 – 332; 1987: 106 – 133; 1988: 12 – 27). В 1984 г. при исследовании трассы водопровода был частично ис-

следован нимфей II и на территории предполагаемого претория найдены фрагменты мраморной плиты с латинской надписью, которая имеет важное значение для изучения римского военного присутствия на территории Харакса (Орлов 1988: 19 – 21).

Кроме работ на территории мыса Ай-Тодор, Южнобережным отрядом также были проведены разведки в окрестностях Харакса, в результате которых у юго-западного склона г. Аю-Даг было открыто не связанное с таврами поселение I – III вв., погибшее в результате горного обвала (Орлов 1975: 10). В 1982 г. между пос. Гаспра и нижним алушкинским шоссе зафиксированы следы террасирования склонов, остатки построек и вещественный материал первых веков н. э. При осмотре трассы газопровода Ялта – Алушта в районе г. Алушта обнаружены обломки красноглиняных амфор II – III вв. (Орлов 1984: 310).

Мыс, на котором стоит римская крепость Харакс, делится как бы на три отдельных выступа, которые обрываются в сторону моря (Рис. 3, 4, 5). На южном выступе расположены две огибающие вершину крепостные стены. Внешняя оборонительная стена, «циклопическая», расположена у основания склона. А верхняя была построена приблизительно на 60 м выше и огибала вершину мыса, где располагалась центральная часть крепости площадью 1,5 – 2 га (Блаватский 1951: 291; ср.: Фирсов 1975: 95) (Рис. 3, 4, 5). Общая площадь, которая была защищена стенами, по оценке Л. В. Фирсова составляла 4, 5 га (Фирсов 1990: с. 270).¹

Нижняя оборонительная стена была возведена из крупных глыб камней в так называемой

¹ М. И. Ростовцев указывал, что эта площадь была равна 5, 7 га (Rostovzeff 1902: Abb. 89), а В. Н. Дьяков – 6 га (Дьяков 1930: 47; 1942: 55).

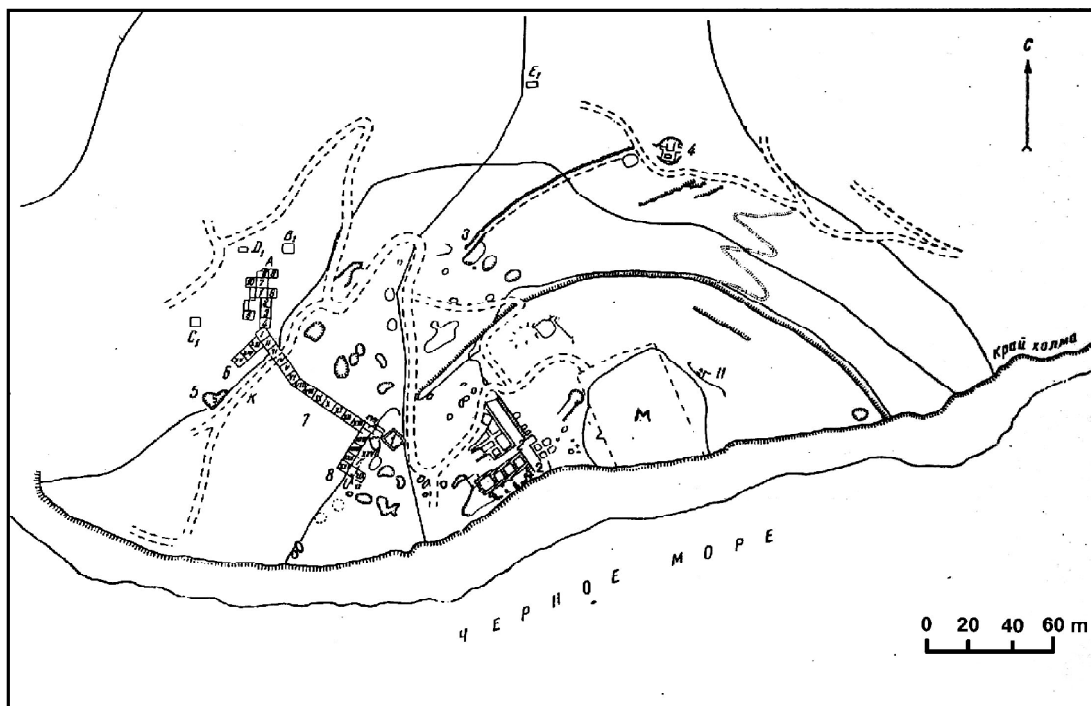

Рис. 4. План римской крепости Харакс по В. Д. Блаватскому. 1- нимфей; 2 – термы; 3 – нижняя оборонительная стена; 4 – башня; 5 – ворота; 6 – нижняя оборонительная стена; I – раскоп 1931 – 1932 гг.; K – раскоп 1931 г.; A – раскоп 1932 и 1935 гг.; B1, C1, D1, E1 – раскопы 1935 г.; M – маяк.

ительства (Орлов 1988: 23).

В данном случае К.К. Орлов опирается на материалы исследований В. Д. Блаватского 1935 г., в ходе которых на западном склоне Ай-Тодора на протяжении 23 м был открыт и исследован еще один участок нижней оборонительной стены, ориентированный по линии северо-восток – юго-запад (Рис. 4). При этом В.Д. Блаватский указал, что раскопанный им участок внешней оборонительной стены по технике отличается от «таврской» или «циклопической стены», расположенной восточнее (Блаватский 1951: 276). Наружный и внутренний панцирь этого участка стены, которая достигает толщины 2, 2 – 2, 4 м, сложен из менее крупных камней различных размеров и формы, а промежуток между ними заполнен бугром. Исходя из каменного завала, исследованного снаружи стены, В. Д. Блаватский рассчитал ее высоту, которая достигала 3 м. (Блаватский 1951: 278) (Рис. 7).

Сопоставление двух участков внешней оборонительной стены показывает, что их направление не совпадает и, следовательно, древние строители не создали неразрывную линию наружной обороны, что, по мнению В. Д. Блаватского, является достаточно веским аргументом в пользу «таврского» происхождения внешней оборонительной стены, которая была римлянами лишь использована при возведении укрепления (Блаватский 1951: 267). Однако не исключено, что зигзаг стены был сделан намеренно с тем, чтобы лучше использовать рельеф мест-

ности в фортификационном отношении и уменьшить мертвое пространство перед стеной (Орлов 1988: 24). Но окончательную ясность в вопрос о времени сооружения этой стены внесли раскопки К. К. Орлова 1977 и 1980 г. На основании исследования западного конца «циклопического» участка нижней оборонительной стены шириной 4,6 – 5, 4 м он пришел к заключению, что стена была возведена не ранее II в. В ходе этих работ в верхней части стены, менее широкой, чем нижняя, был зафиксирован бут на известковом растворе. Это и позволило К.К. Орлову утверждать, что нижняя циклопическая кладка выполняла роль противотаранного пояса, над которым высилась собственно оборонительная стена (Орлов 1988: 24 – 25, рис. 4) (Рис. 8).

К сожалению, в ходе активных строительных работ на территории Харакса в новое время западная и восточная части нижней оборонительной стены были полностью разрушены. Поэтому для того, чтобы восстановить отдельные элементы фортификационных сооружений, входившие в комплекс нижней оборонительной стены, необходимо обратиться к материалам, полученным в ходе раскопок начала XX в.

В 1909 г. на северо-восточном фланге обороны, который ниже всего спускается к котловине, была исследована монументальная четырехугольная башня размерами 6 × 4 м, стены которой достигали в толщину 1 м, примыкавшая к участку нижней оборонительной стены шириной 6 м (Ростовцев 1911: 3; ср.: Виноградов

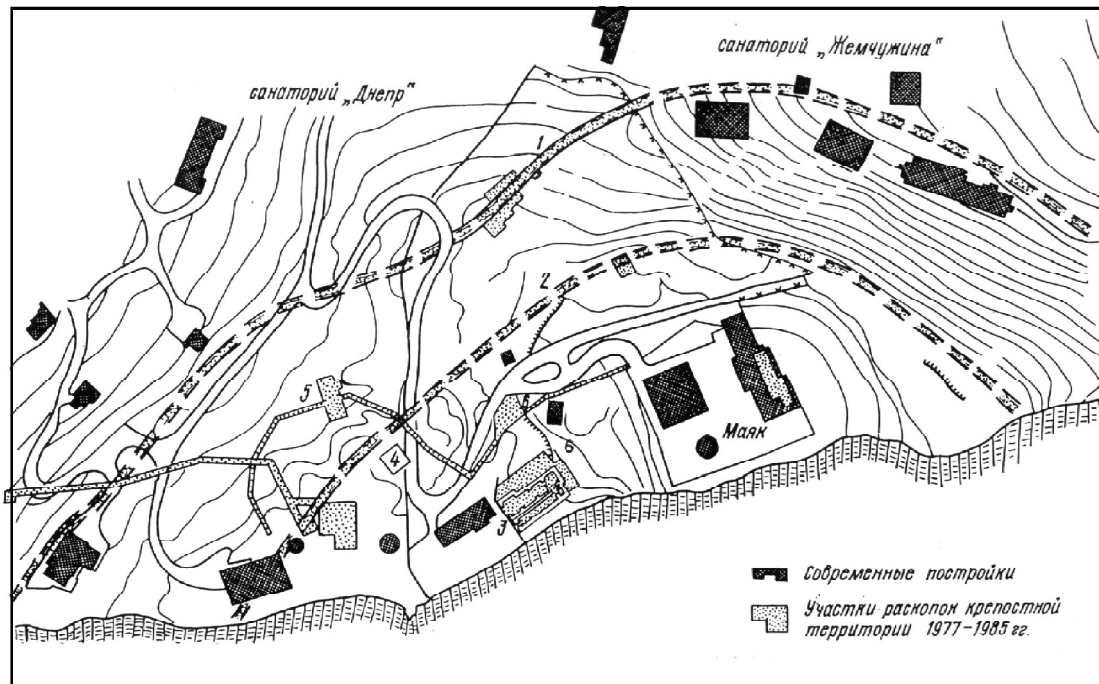

Рис. 5. Сводный план раскопок римской крепости Харакс в 1977 – 1985 гг. по К. К. Орлову.

1 – нижняя оборонительная стена; 2 – верхняя оборонительная стена; 3 – термы; 4 – нимфей I; 5 – нимфей II; 6 – преторий.

1910: 3). В. Н. Дьяков полагал, что эта башня была многоярусной и располагалась рядом с воротами шириной 3 м, которые использовались гарнизоном для связи с бухтой (Дьяков 1930: 21–22). Недалеко от этой башни, с наружной стороны нижней оборонительной стены, в 1907 г. было открыто святилище бенефициариев, к которому можно было пройти через указанные ворота (Ростовцев 1911: fig. 3; Дьяков 1930: 21, рис. 8) (Рис. 3). В 30-х годах в ходе работ экспедиции В. Д. Блаватского эта башня была вновь обмерена (Блаватский 1951: 260, рис. 2). Но, несмотря на то, что полномасштабный план не был опубликован, К. К. Орлов указал, что эти обмеры показали иную планировку объекта (Орлов 1988: 23). К тому же неясной остается и конструкция самой стены на этом участке.

Главные ворота, которые вели в крепость, находились в нижней оборонительной стене в северо-западной части склона, там, где стену пересекает современная дорога, идущая на маяк (Рис. 3, 4, 5). В. Н. Дьяков писал, что в этом месте были развалины двух массивных башен, сложенных в римской строительной технике с использованием известкового раствора, и сравнивал это сооружение с городскими воротами, зафиксированными в Ламбезисе, Заальбурге и Трире (Дьяков 1930: 22; ср.: Johnson 1990: 93–114, Abb. 70). Однако сейчас проверить это утверждение нельзя, так как никаких признаков башен в настоящее время проследить невозможно (Орлов 1988: 23). Сказанное в полной мере касается и слов В. Н. Дьякова о том, что

дорога, которая шла через эти ворота, продолжалась вдоль внутренней части нижней оборонительной стены, упиралась в ее угол, где располагалась полукруглая башня, сложенная из массивных камней, а уже затем поворачивала вглубь укрепления (Дьяков 1930: 20, рис. 7) (Рис. 3).

Еще один вход в крепость располагался на северо-западном участке внешней оборонительной стены, который был открыт в 1907 г. (Рис. 9). Но сейчас не ясно, были ли это ворота, как считали М. И. Ростовцев, Ф. А. Виноградов и В. Д. Блаватский и Л. В. Фирсов, или же это была вылазная калитка, как думал В. Н. Дьяков (Орлов 1988: 23–24), по своей конструкции напоминавшая аналогичные сооружения римских лагерей (Johnson 1990: 65, Abb. 30). Как показала топографическая съемка 1979 г., проведенная под руководством К. К. Орлова, этот узел обороны располагался в 129 м от края обрыва скалы и в 70 м от верхней оборонительной стены (Орлов 1988: 24) (Рис. 5).

Таким образом, на основании имеющихся данных можно более или менее уверенно заключить, что в нижней оборонительной стене имелось три прохода, вероятно, укрепленных башнями. Не исключено, что в эту линию обороны были включены и другие башни, но ввиду отсутствия материала об этом можно говорить лишь предположительно.

Верхняя оборонительная стена, протяженностью 380 м, располагавшаяся приблизительно на 60 м выше нижней, отгораживала наиболее высокую и плоскую площадку мыса Ай-То-

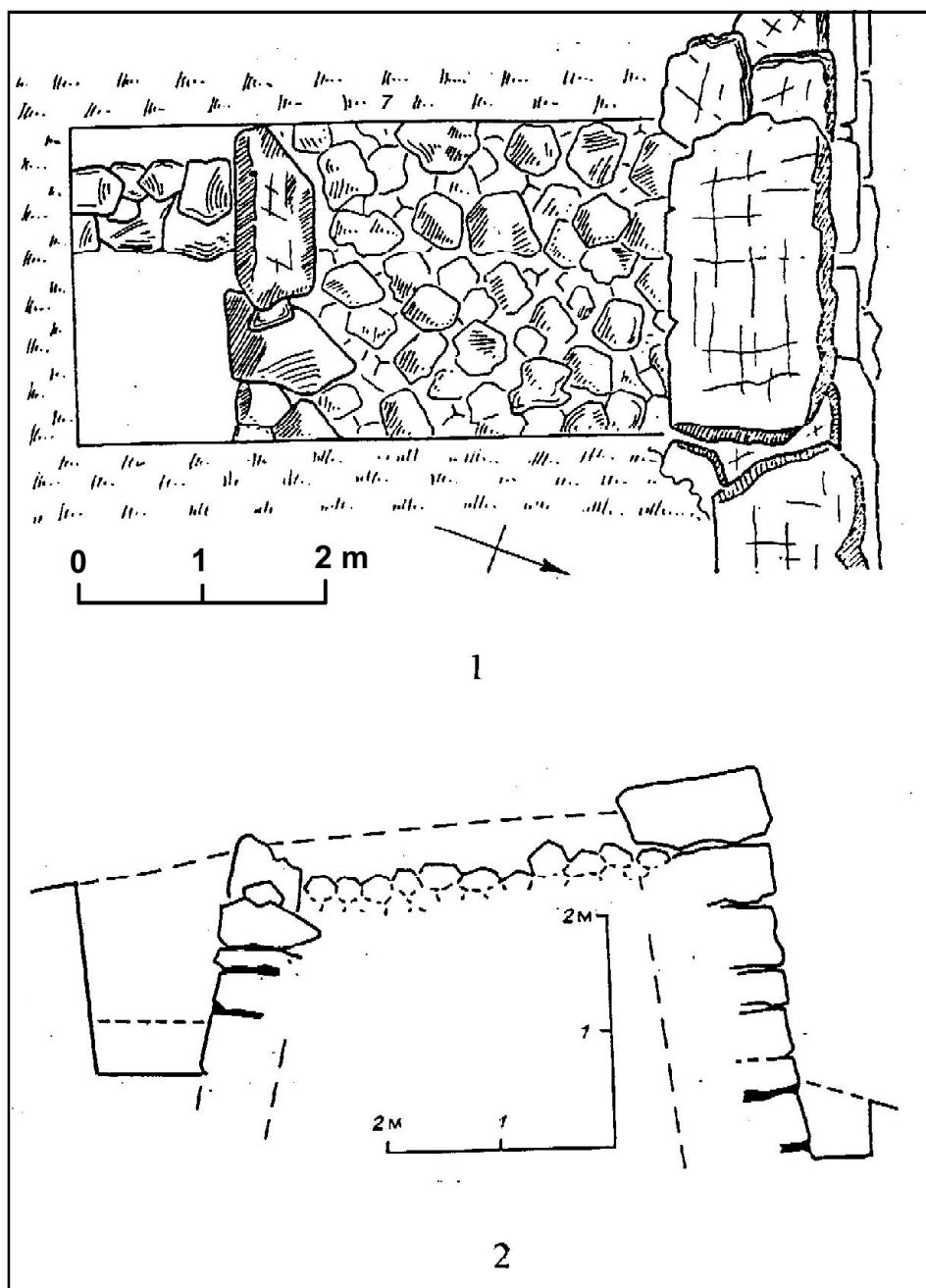

Рис. 6. План и разрез нижней оборонительной стены по Л. В. Фирсову.

двор размерами около 2 га, так называемую цитадель, где были сосредоточены жилые и административные сооружения крепости (Фирсов 1990: 269) (Рис. 3, 4, 5). Юго-западная часть этой стены на протяжении 80 м полностью разрушена. В настоящее время стена сохранилась в центральной и северо-восточной части на протяжении 180 м. Она представляет собой задерживающий вал высотой до 3 м, поросший густым кустарником и можжевельными деревьями (Орлов 1988: 25). В некоторых местах на поверхности прослеживаются ряды двухпанцирной кладки с забутовкой в середине (Фирсов 1990: 269).

Структура верхней оборонительной стены тождественна нижней. Она сложена из средних и мелких по размерам камней необработанного известняка толщиной 1,8 – 2,4 м. Наружный и внутренний панцирь имеет наклон 80 – 85°. Пространство между двумя ее панцирями заполнено бутом на известняковом растворе (Блаватский 1951: 280; Орлов 1988: 25 – 26; Фирсов 1990: 270).

Юго-западный участок этой стены был исследован до революции и описан М. И. Ростовцевым. По М. И. Ростовцеву, эта двухпанцирная стена на этом участке была шириной 5,5 м, и, следовательно, здесь стена была более мощ-

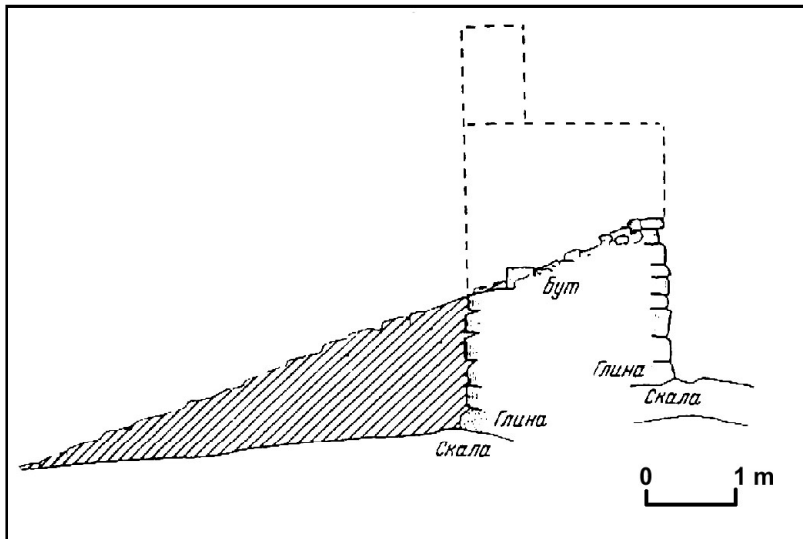

Рис. 7. Реконструкция нижней оборонительной стены по В.Д.Блаватскому. Раскопки 1935 г.

ной, чем в северо-западном секторе обороны. Перед ней отсутствовали ров и вал, а с внутренней стороны к стене были пристроены подсобные помещения (Ростовцев 1900: 96; Блаватский 1951: 281 – 282). В северо-западной части верхней оборонительной стены были несохранившиеся ворота, через которые, видимо, шла дорога, проходившая через аналогичные ворота в нижней оборонительной стене (Орлов 1988: 25) (Рис. 3, 4, 5).

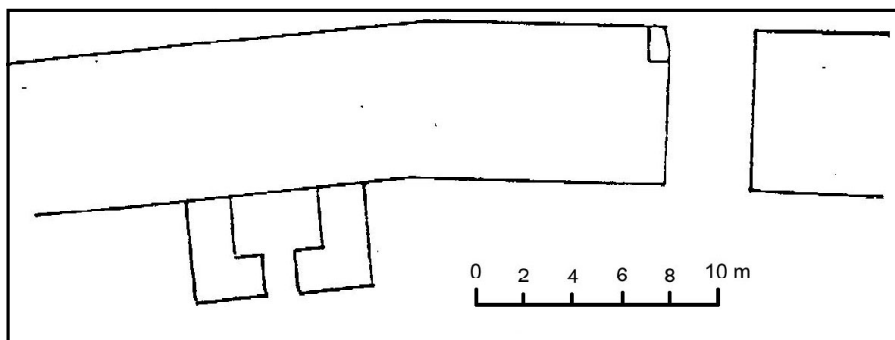
В 1977 – 1978 гг. были проведены археологические исследования пространства у внутренней части верхней оборонительной стены, на юго-западном ее фланге. В результате этих работ полностью раскопано помещение прямо-

угольной формы, которое частично было открыто еще в середине 30-х годов экспедицией В.Д.Блаватского, размерами 5,2 × 5,4 м, с дверным проемом, встроенное в оборонительную стену. Рядом с этим помещением была выявлена еще одна пристройка к стене размерами 1,9 × 2,2 м, которая использовалась в качестве хозяйственного помещения. В восточной части раскопа было открыто и третье сооружение размерами около 6 × 4 м со стенами толщиной 0,8 – 0,85 м. На глинобитном полу постройки лежали фрагменты гончарной керамики и другие предметы бытового назначения, а у северной стены располагался очаг или горн, с разрушенным сводом из фрагментов черепицы.

Рис. 8. Реконструкция нижней оборонительной стены по К. К. Орлову.

Рис. 9. План северных ворот и башни в нижней оборонительной стене по М.И.Ростовцеву и В.Н.Дьякову.

К. К. Орлов предполагал, что эта постройка была двухэтажной, и, исходя из наличия неподалеку более чем 700 ядер для метательных машин, атрибутировал ее как помещение для караула или отряда баллистариев (Орлов 1980: 115 – 116; 1988: 26).

В ходе работ К. К. Орлова были также получены новые данные о конструкции верхней оборонительной стены. Его раскопками было установлено, что на ней имелись небольшие крепиды, ограничивавшие террасы шириной 0,8 – 1 м, ведущие к наружному панцирю. По мнению исследователя, верхняя оборонительная стена может рассматриваться в качестве вала с боевыми площадками, аналогичного укреплениям обычных римских военных лагерей (ср.: Johnson 1990: 73 – 93). Одна такая площадка, пристроенная к внутренней части стены, была зафиксирована в 1983 г. на юго-западном участке обороны и предназначалась, по мнению исследователя, для установки метательных машин типа баллист (Орлов 1988: 26 – 27).

На основании наличия в кладке верхней оборонительной стены обломка черепицы с клеймом Равеннской эскадры и другого датирующего материала, В. Д. Блаватский в свое время датировал ее сооружение временем не ранее второй половиной I в. Впоследствии эта стена подвергалась ремонту (Блаватский 1951: 280) или же была возведена вновь на культурных отложениях, содержавших археологические материалы II – III вв. (Орлов 1988: 26).

Говоря об укреплении на мысе Ай-Тодор, следует обратить внимание на то, что концентрическая система построения оборонительных сооружений Харакса резко контрастирует с хорошо известной планировкой, применявшейся при строительстве римских военных лагерей и крепостей на территории империи (ср.: Johnson 1990: 38 – 58; Richardson 2000: 425 – 437). Объясняется это тем, что мыс Ай-Тодор – наиболее удобная на Южном берегу Крыма точка, с одной стороны, для наблюдения за побережьем, а с другой – для сооружения здесь маяка, который, вероятно, в древности располагался на месте нынешнего навигационного комплекса (Орлов 1988: 22). Поэтому именно на мысе Ай-Тодор и был возведен римский опорный пункт для наблюдения за каботажным пла-

ванием вдоль берегов Таврики и противодействия пиратским действиям местного населения. Ведь римляне должны были хорошо помнить трагические события, которые произошли с военными кораблями, которые возвращались с Боспора после боевых действий в 45 – 49 гг. и были выброшены во время шторма на берег, а экипажи перебиты таврами (Тас. Анн. XII: 15 – 21; Зубарь 1998: 33).

Но рельеф местности на мысе Ай-Тодор не позволял возвести здесь традиционно римское по планировке укрепление и военные инженеры при строительстве вынуждены были максимально приспособиться к конкретным топографическим условиям. Вместе с этим, на Южном берегу Крыма римским войскам противостояло местное варварское население, которое вряд ли имело опыт осады крепостей, что также является немаловажным фактором, который учитывался при возведении крепости. Иными словами, в данном случае римляне были вынуждены приспосабливаться к местным условиям, чем и объясняется концентрическая, а не прямоугольная планировка оборонительных сооружений и некоторые другие их конструктивные особенности. Хотя сооружение во II в. противотаранного пояса нижней оборонительной стены свидетельствует о том, что даже в условиях горной местности в самых доступных для применения осадных машин местах римскими военными строителями были учтены обязательные требования тогдашней фортификационной практики.

Пространство между нижней и верхней оборонительными стенами, как показали раскопки В. Д. Блаватского, оставалось не застроенным и, вероятно, использовалось для оперативного развертывания войск (Блаватский 1951: 261, 291) (Рис. 4, 5). Л. В. Фирсов считал возможным рассматривать его в качестве своеобразного перибола, а нижнюю оборонительную стену как своеобразную протейхизму (Фирсов 1990: 270). Однако не исключено, что пространство между двумя оборонительными стенами могло использоваться в качестве временного убежища для населения, жившего в окрестностях Харакса и связанного с римским гарнизоном крепости, как это было, например, в Неаполе Скифском и на ряде других городищ раннесредневекового вре-

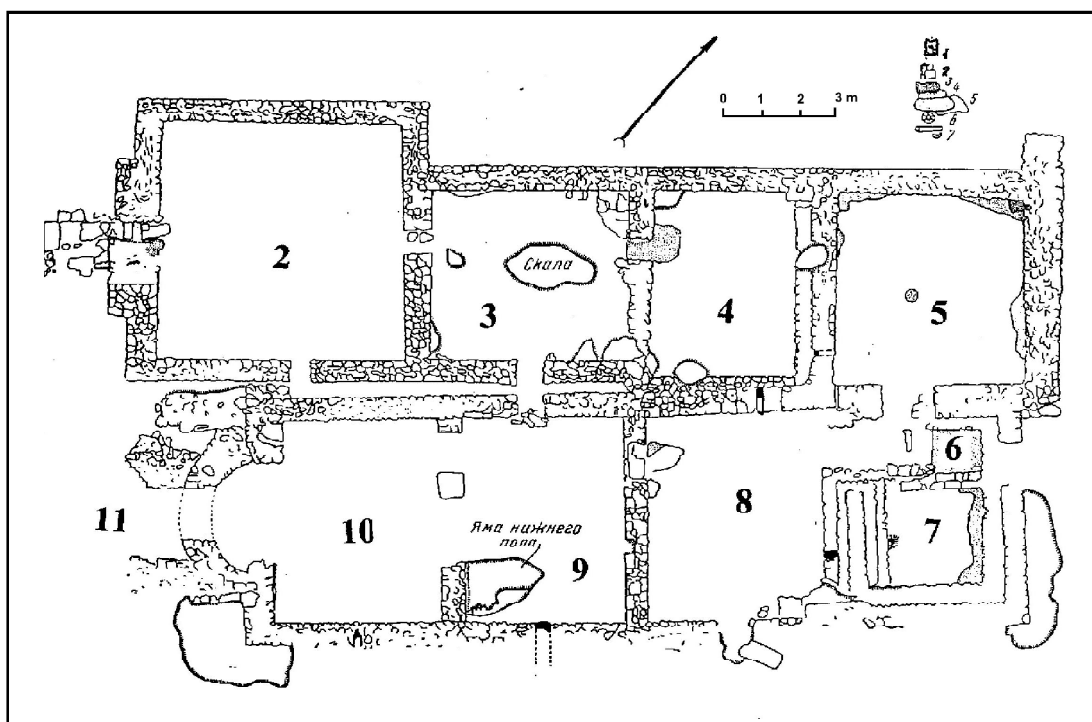

Рис. 10. План терм на территории Харакса по В. Д. Блаватскому.

1- кладка из рваного камня на известковом растворе; 2 – кирпич; 3 – пол, покрытый известковым раствором с песком; 4 – пол, покрытый известковым раствором; 5 – пол, покрытый известковым раствором с мелким щебнем; 6 – пень дерева; 7 – керамические трубы.

мени в Юго-Западном Крыму (ср.: Ростовцев 1900: 152; Дьяков 1930: 29; Блаватский 1951: 291; Орлов 1988: 21). Косвенно на это указывают материалы работ Южнобережной экспедиции на западном склоне г. Аю-Даг, о чем уже говорилось, а также частично открытый в межстенном пространстве нимфей II, служивший для хранения пресной воды (Орлов 1988: 21, рис. 1, 5; ср.: Ростовцев 1911: 3) (Рис. 5).

Территория, ограниченная верхней оборонительной стеной, традиционно атрибутируется как цитадель крепости. Однако отсутствие следов какой-либо застройки в межстенном пространстве не позволяет согласиться безоговорочно с таким утверждением, ибо именно эта территория была застроена, и здесь находились все известные в настоящее время строительные комплексы, которые следует связывать с деятельностью римских военнослужащих. Следовательно, именно вершину мыса Ай-Тодор необходимо рассматривать в качестве собственно римской крепости.

К сожалению, именно эта часть Харакса подверглась разрушениям в новое время. Так, например, функционирующий здесь маяк, по мнению В. Н. Дьякова, был возведен на месте, где мог располагаться преторий и древний маяк (Дьяков 1942: 38 – 39). До революции на месте современного радиомаяка зафиксированы остатки здания первых веков с примыкавшими друг к другу помещениями, расположенными в два ряда, которое было атрибутировано в ка-

честве терм (Орлов 1988: 19) (Рис. 10). Термы были открыты до революции, а в середине 30-х гг. они были вновь расчищены и обмерены, а затем новые раскопки терм в связи с предполагаемыми реставрационными работами провел К. К. Орлов в конце 70-х – начале 80-х гг.

Остатки терм расположены на вершине Ай-Тодорского холма, вдоль морского берега, в 70 м от его высшей точки, и представляли собой восемь помещений, возведенных в два ряда длиной 24,65 м и наибольшей шириной 14, 85 м. (Блаватский 1951: 287) (Рис. 8). Стены толщиной 0, 75 – 1 м сложены из камней средних размеров с прокладкой кирпичом (*opus mixtum*) на известковом растворе. Стены были покрыты штукатуркой с росписью (Орлов 1977: 6, 8, 9). Южный ряд помещений (7 – 10), располагавшийся ближе к морю, был собственно термами, а второй, северный (2 – 5), как считали исследователи, являлся палестрой, предназначавшейся для физических упражнений, или военным клубом (Дьяков 1930: 27). Северный ряд помещений (2, 3, 4) соединялся с южным (7, 8, 9, 10) через помещение 5. Во внутренних стенах трех помещений южного ряда имелись просветы, вероятно, для теплоходов отопления, имевшие арочные перекрытия. В середине помещения 10 был сделан перекрытый аркой проем, который примыкал к топке печи кальдариума (Дьяков 1930: 26; Орлов 1980 а: 16). Вода нагревалась в котельной, которая располагалась в помещении 11, видимо, в металлических чанах (Дьяков

Рис. 11. Вид одного из помещений терм с гипocaustом. Рисунок с фотографии начала XX в. по В.Н.Дьякову.

1930: 26). Помещения 2, 3, 4, 8, 9, 10 были оборудованы гипocaustом, остальные – такового не имели (Орлов 1980 б: 7 – 8). С целью обогрева пола, состоявшего из глиняных плит-изразцов, которые были уложены на известняковые и кирпичные опоры, под ним было оставлено пространство для циркуляции горячего воздуха (Дьяков 1930: с. 26) (Рис. 11). Поверх плит пола был уложен гидроизоляционный раствор, а на нем был выполнен мозаичный геометрический узор из морской гальки. (Орлов 1980 а: 14; 1980 б: 13). В. Н. Дьяков интерпретировал помещение 8 с остатками скамеек в северо-западном углу как *apoditerium* (раздевалка); помещение 7 с бассейном, покрытым цемянковым раствором, с тремя ступеньками – *frigidarium* (холодная ванна); помещение 9 – *tepidarium* (умеренно-теплое помещение), соединенное проходом с помещением 10 – *caldarium* (горячее помещение) (Дьяков 1930: 26) (Рис. 10). Не исключено, что здание терм было двухэтажным, о чем свидетельствуют следы лестницы, открытые в процессе раскопок (Дьяков 1930: 27; Блаватский 1951: 287).

В. Н. Дьяков и В. Д. Блаватский на основании археологического материала, обнаруженного в процессе раскопок, полагали, что южный ряд помещений терм был построен в третьей четверти I в., а северный пристроен к нему не ранее середины II в. (Блаватский 1951: 287 –

288). Однако в ходе доисследования памятника, проведенного К. К. Орловым, было установлено, что как южный, так и северный ряд помещений комплекса терм был возведен не ранее II в. (Орлов 1977: 10; 1980 а: 37; 1985: 299). В частности, об этом свидетельствует наличие открытых к востоку от терм остатков системы водостоков ливневой канализации, перекрытых каменными плитами, которая была разрушена во II в. при строительстве терм (Орлов 1980 а: 24). Таким образом, термы представляют собой комплекс построек, возведенных во II в., который неоднократно ремонтировался (ср.: Блаватский 1951: 288) и просуществовал вплоть до вывода римских войск с территории Ай-Тодора около середины III в.

Еще один строительный комплекс, расположенный к северу от терм, был раскопан лишь частично. Это здание, в отличие от терм, состояло из нескольких крупных по своим размерам помещений, которые не были оборудованы отопительной системой. Со стороны переулка или улицы оно имело портик длиной 22 м (Рис. 12). В. Н. Дьяков полагал, что это могла быть палестра, где солдаты римского гарнизона могли заниматься физическими упражнениями (Дьяков 1930: 28). Но, учитывая, что был исследован лишь его юго-восточный угол, настаивать на этом сейчас нельзя. В гипотетическом плане, исходя из планировки раскопанных помеще-

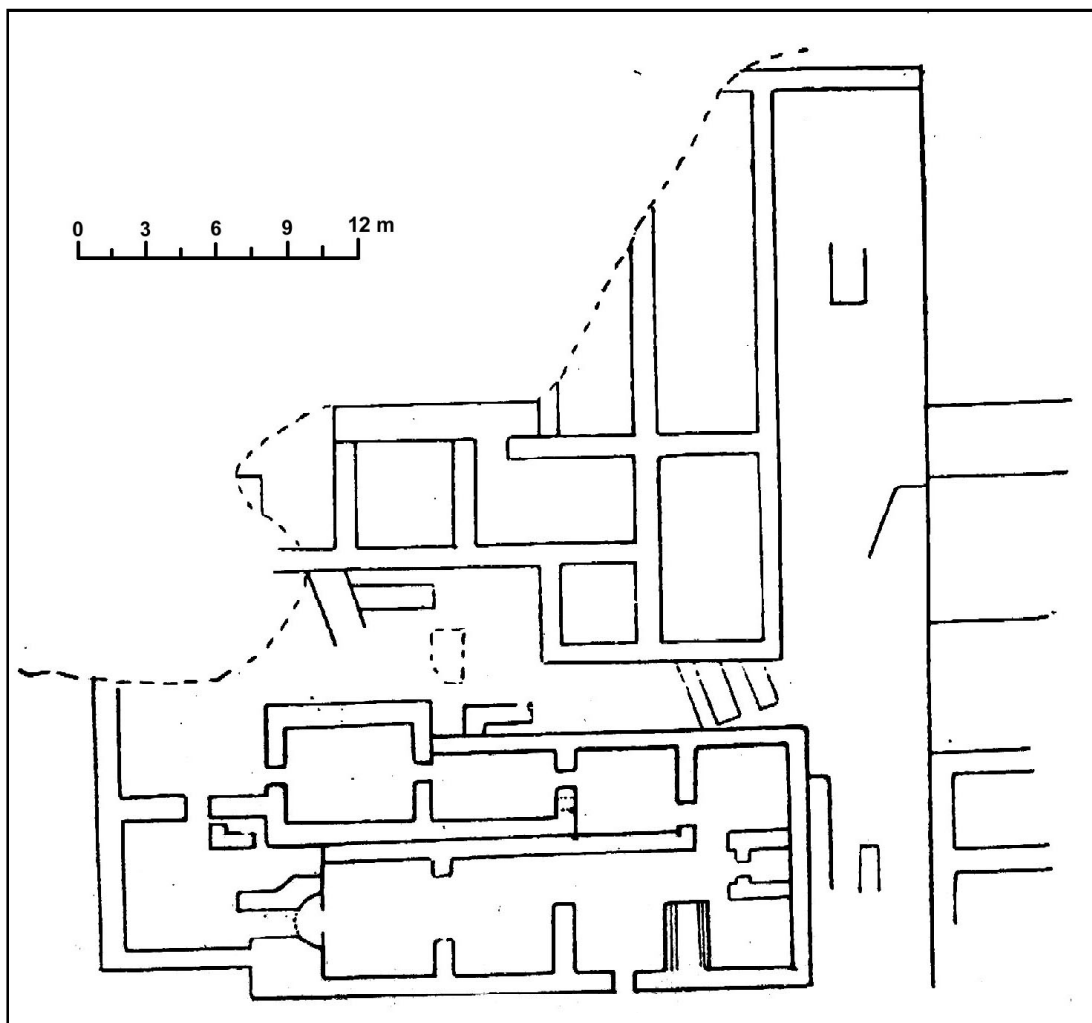

Рис. 12. Схематический план терм и прилегающих к ним построек по В. Н. Дьякову.

ний, можно предположить, что эта могла быть принципия, располагавшаяся в центре крепости, где размещался штаб римского гарнизона Харакса (Ростовцев 1911: 4; ср.: Johnson 1990: 123 – 152).

К сожалению, какие-либо более или менее точные данные о других строительных комплексах крепости отсутствуют. Можно лишь отметить, что Ф.А.Виноградов в 1910 г. писал, что на территории верхней части мыса Ай-Тодор прослежено две улицы, одна из которых шла вдоль верхней оборонительной стены, а вторая – пересекала городище с юга на север (Виноградов 1910: 251), т. е. внутреннее пространство имело прямоугольную планировку (Рис. 12). На территории между улицами были зафиксированы остатки прямоугольных и квадратных помещений, размерами от $9 \times 7,5$ м до $1,18 \times 1,18$ м, которые представляли собой систему небольших смежных помещений, в ряде случаев соединявшихся дверными проемами (Виноградов 1910: 251). По своей планировке эти постройки чрезвычайно напоминают казармы центурий,

строившиеся в римских военных лагерях (ср.: Petrikovits 1975: 35 – 43; Johnson 1990: 188 – 198). Но отсутствие каких-либо планов этих строительных остатков не позволяет говорить об этом с полной уверенностью.

В 1980 г. в ходе работ к востоку от маяка также были открыты остатки кладок и очаги, что позволило К. К. Орлову атрибутировать эти постройки в качестве казарменных помещений, которые функционировали, судя по археологическому материалу, во II – III вв. (Орлов 1980 а: 38 – 48). Но строительство конюшни и подсобных помещений действующего маяка не позволили провести археологические исследования здесь в полном объеме (Орлов 1988: 19 – 21).

Представление об археологических памятниках Харакса будет далеко не полным без хотя бы краткого обзора вопроса об его водоснабжении. В ходе раскопок на мысу Ай-Тодор еще в начале XX в. был открыт нимфей, который располагался в юго-западной части так называемой цитадели, в верхней оборонительной стене. Этот памятник был расчищен и обмерен

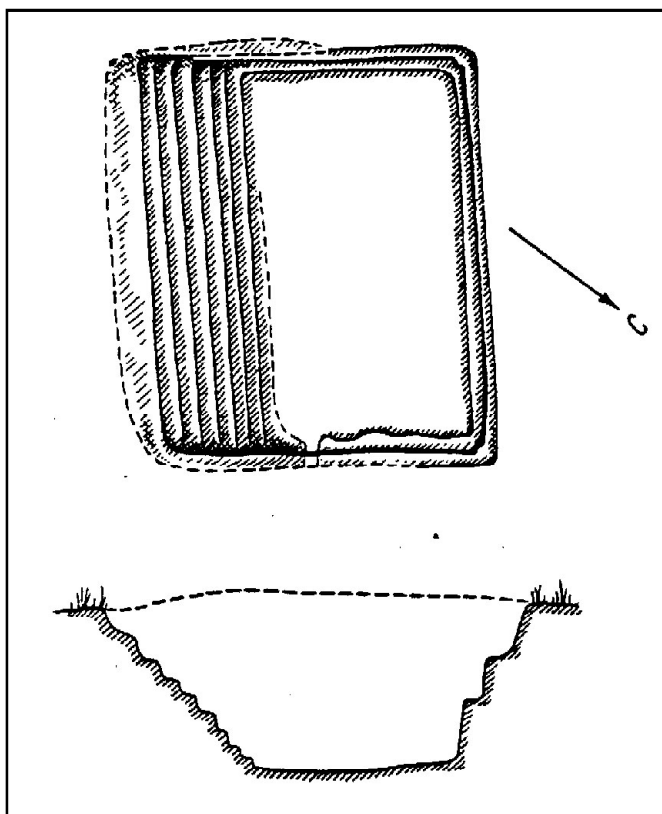

Рис. 13. Нимфей в верхней оборонительной стене по В. Д. Блаватскому.

в ходе работ экспедиции В. Д. Блаватского в середине 30-х гг.

Нимфей представлял собой цистерну, прямоугольную в плане, размерами $9 \times 7,7$ м, с сохранившимися стенами на высоту 2,55 м, которая была сооружена над скалой. Вдоль юго-восточной стороны нимфея, обращенного во внутрь крепости, была сооружена лестница, спускавшаяся до самого дна. В трех других сторонах его стены образуют уступы (Рис. 13). Стены нимфея сложены из щебневой забутовки, покрытой цемянкой с черными включениями, поверх которой лежал еще один слой цемянки, смешанной с толченой керамикой. Пол – ровный, понижающийся к северо-востоку. В северо-восточной части нимфея имелся слив, служивший для стока воды при его чистке. В ходе дореволюционных раскопок здесь была найдена фрагментированная известняковая плита с фрагментированной надписью [N]YMPH[AEVM] (Ростовцев 1911: 41 – 42) (Рис. 14), что позволяет предполагать наличие над бассейном какой-то постройки, видимо, посвященной нимфам (Дьяков 1930: 24). Большое количество фрагментов кровельной черепицы, обнаруженных рядом с нимфеем, свидетельствует о том, что эта цистерна

сверху имела перекрытие. Фрагмент мраморного рельефа с изображением женской фигуры на фоне дерева, найденный здесь же (Рис. 15), позволил В. Д. Блаватскому предположить, что это была нимфа, а сам рельеф относился к постройке, которая возвышалась над нимфеем (Блаватский 1951: 282 – 283).

М. И. Ростовцев считал, что нимфей заполнялся собираемой с крыш дождевой водой, которая поступала в его цистерну по системе водостоков (Ростовцев 1900: 42; 1911: 42). Но в середине 30-х гг. на территории нынешнего санатория «Днепр» был зачищен участок водопровода длиной 2, 60 м, который располагался в 700 м к северо-северо-западу от нимфея (Рис. 4, 5). Он состоял из семи гончарных труб и шел от подножия горы Ай-Петри к нимфею. Это позволило В. Д. Блаватскому заключить, что ключевая вода по этому водопроводу поступала в нимфей (Блаватский 1951: 288 – 289). С таким заключением нельзя не согласиться, так как в жаркие летние месяцы вряд ли только дождевая вода полностью могла обеспечить римских солдат. Вследствие этого римлянами, как и в других местах дислокации, был построен водопровод и резервуары для хранения воды (ср.:

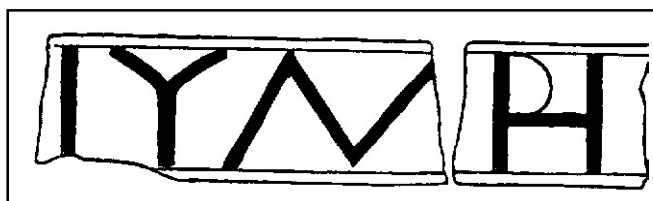

Рис. 14. Известняковая плита с фрагментированной надписью из нимфея по М.И.Ростовцеву.

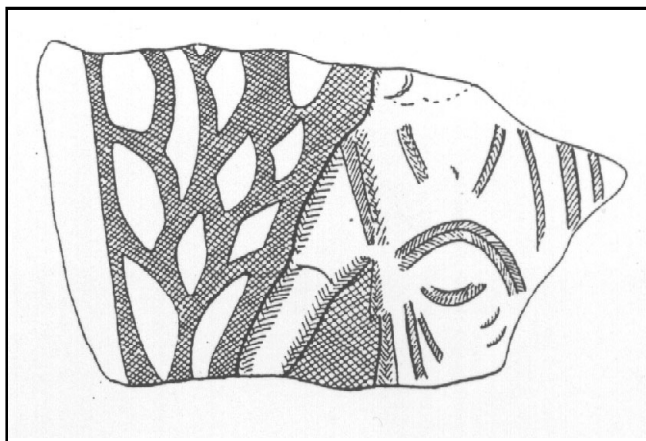

Рис. 15. Фрагмент мраморного рельефа, обнаруженный при раскопках нимфея в 1935 г. по В. Д. Блаватскому.

Johnson 1990: 223 – 231). Видимо, сейчас можно согласиться с В. Д. Блаватским, который считал, что нимфей был сооружен во второй половине I в., а водопровод, который шел от подножия г. Ай-Петри в верхнюю часть крепости, был построен во II в., когда гарнизон Харакса количественно увеличился (Блаватский 1951: 289). Не исключено, что такой же водопровод шел и к нимфею II, который был частично раскопан между нижней и верхней оборонительной стеной (Ростовцев 1911: 3; Орлов 1988: 21), но уверенно об этом говорить пока преждевременно, так как данные об этом памятнике отсутствуют в отчетах и публикациях.

Говоря о водоснабжении Харакса, следует обратить внимание на то, что на территории Ай-Тодора отсутствуют следы памятников как более раннего, так и более позднего, средневекового времени (Фирсов 1990: 258 – 278). Объясняется это, видимо, тем, что на территории Ай-Тодора и в его ближайшей округе отсутствуют источники питьевой воды. Поэтому стационарная жизнь здесь была возможна только при надежном функционировании водопровода, построенного по системе «сифон», который подавал воду из источников у подножия Ай-Петри в специальные резервуары-накопители типа описанного нимфея (Орлов 1988: 22). Такой водопровод и был построен римскими военными. Но в середине III в., перед уходом римлян с территории Ай-Тодора, он, как и оборонительные сооружения, был разрушен (Орлов 1988: 22, 27), чем и следует объяснять отсутствие следов средневекового поселения на месте бывшей римской крепости.

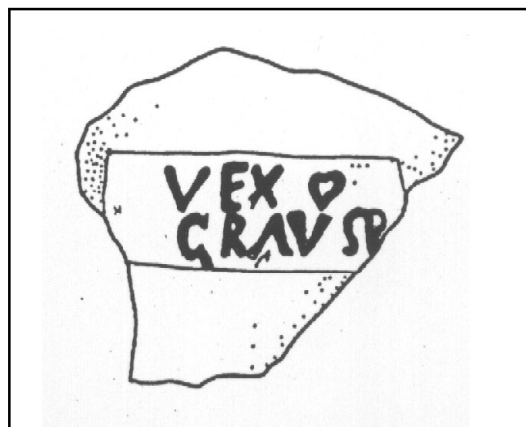
За пределами нижней оборонительной стены были открыты остатки двух святилищ. В 1907 г. у северных ворот в нижней оборонительной стене, которые вели к бухте, среди нагромождения камней были обнаружены известняковые алтари с посвящениями от имени бенефициариев и фрагментированные рельефы фракийского круга (Рис. 3, 4). К сожалению, в ходе раскопок этого интереснейшего памятника не удалось проследить даже его план. Поэтому в настоящее время об этом святилище

можно судить лишь по эпиграфическим памятникам и рельефам, которые были опубликованы М. И. Ростовцевым (Ростовцев 1900: 1 – 42).

Второе аналогичное святилище, видимо, располагалось за крайним западным кольцом нижней оборонительной стены (Рис. 3). Раскопки его не производились, однако находка здесь фрагментов трех рельефов фракийского круга позволила предполагать наличие здесь культового комплекса, связанного с почитанием, скорее всего, Артемиды (Ростовцев 1911: 12, 16; Дьяков 1930: 32).

М. И. Ростовцев полагал, что эти святилища были связаны со специальными постами бенефициариев, которые, как и в других районах Римской империи, располагались вне пределов римских лагерей и использовались для наблюдения за движением по дороге, проходившей мимо крепости (Ростовцев 1911: 7 – 9). Не отрицая этого вывода в принципе, следует указать на то, что оба святилища находились на незначительном удалении от ворот в нижней оборонительной стене и, скорее всего, военные посты, которые могли быть связаны с ними, контролировали не дороги, а въезды в крепость. С другой стороны, наличие здесь значительного количества фрагментов мраморных рельефов фракийского круга, видимо, позволяет предпо-

Рис. 16. Клеймо Равеннской эскадры по В. Д. Блаватскому.

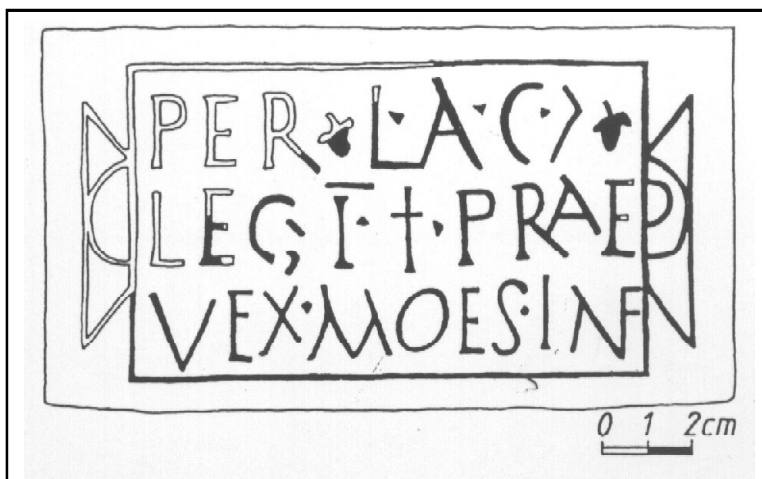

Рис. 17. Клеймо с упоминанием центуриона, препозита вексилляции войск Нижней Мезии по М. И. Ростовцеву.

ложить, что здесь, за пределами крепости, могли приноситься жертвы и отправляться культовые действия солдатами фракийского происхождения, которые, наряду с официальными божествами римского пантеона, чтили богов своей родины. Ведь хорошо известно, что на территории римских лагерей, за исключением мест, связанных с почитанием официальных римских богов или императоров, отсутствовали какие-либо культовые комплексы (Petrikovits 1975: 75 – 78, Авв. 15; Fellmann 1983: 16 – 17; Johnson 1990: 115 – 244). Это, вероятно, и привело к тому, что такие культовые места на Ай-Тодоре были вынесены за пределы римской крепости, как это имело место на территории римских провинций (Baatz 1975: 117 – 121, Abb. 48; Die Romer 1982: 197 – 203; Clauss 1990: 51 – 60). Но, естественно, на этом настаивать сейчас преждевременно, так как в пользу этого вывода имеются только косвенные данные. В то же время тот факт, что святилища располагались за пределами оборонительных стен римской крепости, позволяет говорить о достаточно мирных отношениях с окружающим варварским населением.

В ходе раскопок на территории Харакса в разные годы был обнаружен разнообразный вещественный материал, среди которого особо следует отметить куски шлаков керамического и железодельного производства (Блаватский 1951: 289). Они свидетельствуют, что в составе римского гарнизона Харакса, как и в других местах на территории Римской империи, где дислоцировались римские воинские подразделения, были ремесленники, которые изготавливали не только оружие и амуницию, но и керамические строительные материалы. В связи с этим значительный интерес представляют обломки черепицы и кирпича с латинскими клеймами, обнаруженные на территории Ай-Тодора. Они представлены тремя типами.

Аббревиатура первого типа VEX/CRAVSP была восстановлена М. И. Ростовцевым как vex(illatio) c(lassis) Rav(ennatis) s(umptu) p(ublico) и интерпретирована как продукция, изготовлен-

ная моряками Равеннской эскадры (Ростовцев 1900: 155; Блаватский 1951: 254) (Рис. 16).² Второй тип клейм представлен легендой PER L A C >/LEG I ITAL PRAEP/VEX MOES INF, который транскрибируется как Per L. A(—)C(—) >(centurionem) / leg(ionis) I It(alicae) praep(ositum) / vex(illariorum) Moes(iae) inf(erioris) (CIL III:14215,4; Rostovzeff 1902: 93; Saxer 1967: 92, № 270) (Рис. 17), то есть строительные материалы с такими клеймами были изготовлены при попечительстве неизвестного нам центуриона I Италийского легиона, командира вексилляции войск провинции Нижняя Мезия (Ростовцев 1900: 155 – 156; Блаватский 1951: 254). И, наконец, третий тип штемпеля латинских клейм LEGXICL без особого труда восстанавливается как название XI Клавдиева легиона – le(gio) XI Cl(audia) (Ростовцев 1900: 156; Блаватский 1951: 254) (Рис. 18).

Находки латинских клейм с упоминанием вексилляции Равеннской эскадры в свое время позволили М. И. Ростовцеву, а вслед за ним В.Н.Дьякову и В. Д. Блаватскому утверждать, что первый римский опорный пункт на мысу Ай-Тодор появился во время так называемой первой оккупации римлянами Таврики в третьей четверти I в. (Ростовцев 1900: 155; Дьяков 1942: 95; Блаватский 1951: 254; Сапрыкин 1981: 61), которая последовала за экспедицией Тиберия Плавтия Сильвана, пришедшего на помощь Херсонесу. В этой экспедиции, по мнению исследователей, принимали участие корабли Равеннской эскадры с солдатами на борту, которыми и был занят мыс Ай-Тодор (Дьяков 1930: 94; Репников 1941: 121 – 123; Блаватский 1951: 254; 1985: 232).

Клейма с легендой VEX/CRAVSP позволяют заключить, что до похода Тиберия Плавтия Сильвана в Таврику отдельного Мезийского флота не существовало, а корабли, которые

² Т. Сарновский в противоположность этому недавно предложил иное восстановление этого клейма: vex(illatio) c(lassis) Rav(ennatis) S(cythica?), -inopensis?) P(ontica?). См.: Sarnowski, Savelja 1998: 46.

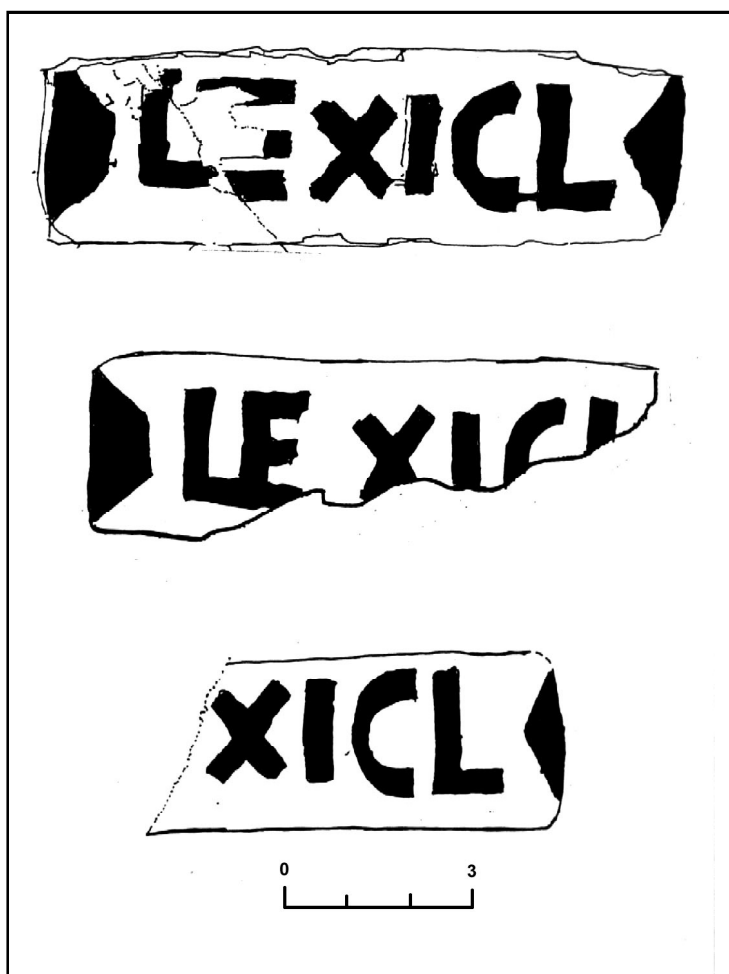

Рис. 18. Клейма XI Клавдиева легиона из Харакса по К. К. Орлову.

использовались для транспортировки римских войск как в период подавления паннонско-далматинского восстания (6 – 9 гг.) (Starr 1960: 22)³ и похода на Боспор А. Дидия Галла (Тас. Ann. XII: 17; Шелов 1981: 61), так и во время экспедиции Т. Плавтия Сильвана, в оперативном отношении были подчинены равеннскому префекту и являлись составной частью Равеннской эскадры Римской империи (Зубар 1988: 22). Косвенно это подтверждается и тем, что отдельный Понтийский флот был сформирован только в 64 г., после аннексии Понта и заключения Рандейского мирного договора с Парфией (Starr 1960: р. 125 – 129; Kienast 1966: 112 – 119; Bollini 1968: 36; French 1984: 53 – 60).

К еще более позднему времени относятся данные об отдельном Мезийском флоте (*classis Flavia Moesica*), который был сформирован после 69 г. при легате Мезии Рубрии Галле, и в период правления императоров Веспасиана (69 – 79 гг.) или Домициана (81 – 96 гг.), как и итальянские флоты, получил почетный титул *Praetoria* (см.: Fiebigler 1899: 2398; Starr 1960: 127; Велков 1961: 78 и сл.; Соломоник 1966: 165–166; Watson 1969: 21; Condurachi 1974: 85;

³ Подр. об этом восстании см.: Малеваный 1997: 223 – 258.

Redde 1986: 263 – 264, 515 – 521). В этом отношении показательно, что первые военные дипломы моряков Мезийского флота датируются только концом I в. (CIL XVI: 37; Aricescu 1977: 70). А это в свою очередь является косвенным свидетельством того, что только после окончания гражданских войн в Риме и начальные годы правления императора Веспасиана следует рассматривать в качестве *terminus post quem* для формирования отдельного Мезийского Флавиева флота, большую часть которого составляли корабли, до этого находившиеся в оперативном подчинении равеннского префекта (Зубар 1988: 22; 1995: 136), а, следовательно, и для клейм с аббревиатурой VEX/CRAVSP из Харакса. Исходя из этого, сейчас более или менее уверенно можно говорить, что римские военные моряки и солдаты морской пехоты с кораблей Равеннской эскадры появились на территории Ай-Тодора не ранее 63 – 64 гг., когда была предпринята военная акция Т. Плавтия Сильвана, и находились там относительно недолго, до конца 60 гг. I в., когда они, вероятно, так же как и другие соединения Мезийской армии, были выведены из Таврики и приняли участие в событиях гражданских войн. Косвенно сказанное подтверждается и тем, что в на-

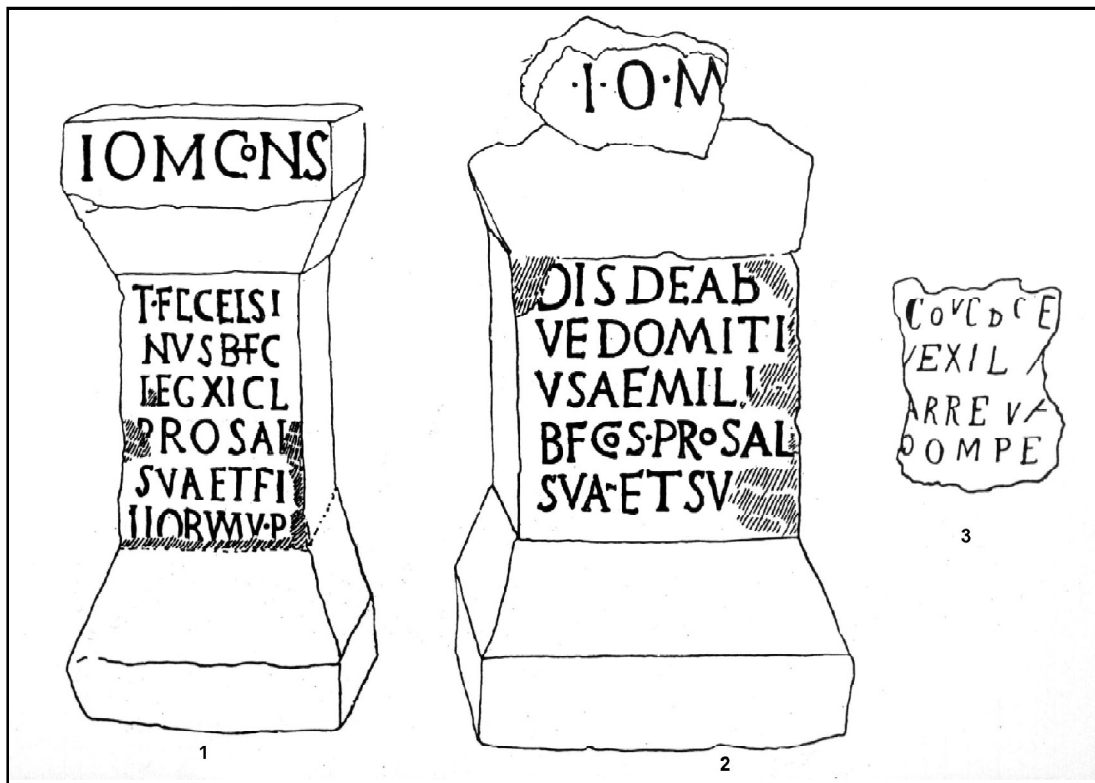

Рис. 20. Эпиграфические памятники из раскопок Харакса по М. И. Ростовцеву.

1 – алтарь с посвящением Юпитеру Лучшему Величайшему от имени Тита Флавия Цельсина, бенефициария консуляра XI Клавдиева легиона; 2 – алтарь с посвящением Юпитеру Лучшему Величайшему от имени Домиция Эмилиана, бенефициария консуляра; 3 – фрагментированная латинская надпись.

то время был Харакс. Причем интересно, что дислокация здесь римских военнослужащих фиксируется на несколько лет позже появления стационарного римского гарнизона в Тире (Карышковский, Клейман 1985: 98; Сон 1986: 98; 1993: 31 – 41). Следовательно, сейчас есть все основания говорить, что появление римского гарнизона или поста на Ай-Тодоре в это время можно рассматривать в русле целенаправленной стратегической римской политики в Северо-Западном и Северном Причерноморье, направленной не только на оборону собственных границ империи, но и подступов к ней (Luttwak 1976: 55; Зубарь 1998: 69 – 78).

Следует также подчеркнуть, что в отличие от более поздних эпиграфических памятников из Херсонеса и Харакса (Рис. 20, 1 – 2), в которых упоминаются бенефициарии, М. Геминей Фортис был бенефициарием консуляра не легиона, а легата провинции Умидия Квадрата (Domaszewski 1967: 32 – 34; Breeze 1974: 274). Не исключено, что М. Геминей Фортис мог возглавлять римский военный пост, располагавшийся в это время на Ай-Тодоре (ср.: Mann 1983: 38, 66; Зубарь 1990: 113), а мог заведовать его канцелярией и находиться в подчинении другого лица более высокого воинского ранга, например, центуриона. Ни тот, ни другой вариант полностью исключить нельзя.

Сейчас традиционно принято считать, что

второй тип латинских клейм с упоминанием вестилляции I Италийского легиона, обнаруженный при раскопках Харакса (Рис. 17), датируется не ранее второй половины II в. (Ростовцев 1900: 151; Блаватский 1951: 259; Зубарь 1994: 63; Sarnowski, Zubar 1996: 234; Зубарь, Сарновский 1997: 50 – 59), когда в Херсонесе и его окрестностях появляются военнослужащие этого соединения (Соломоник 1983: 37 – 38, № 9; 44, № 14; 48 – 49, № 20; Зубар, Сарновский, Савелля, 1998: 68 – 72).

Однако не исключено, что эти клейма могут датироваться и более ранним временем. Дело в том, что, как уже говорилось, сейчас есть достаточно убедительные данные, свидетельствующие о присутствии солдат I Италийского легиона в Херсонесе не позднее конца 20-х – начала 30-х гг. II в. (подр. см.: Зубарь 1993: 133 – 137; 1998: 75 – 78). С другой стороны, в Херсонесе до настоящего времени отсутствуют какие-либо памятники керамической эпиграфики, которые можно было бы связывать с производственной деятельностью военнослужащих I Италийского легиона. Следовательно, не исключено, что до появления нового материала датировку этой группы клейм нельзя ограничивать второй половиной II в., а можно в предположительном плане относить даже к началу 20-х гг. II в., когда в Херсонесе впервые фиксируется присутствие военнослужащих I Италийского легиона.

К сожалению, до самого последнего времени о римском гарнизоне Харакса середины – третьей четверти имелись очень отрывочные данные. Но в 1984 г. в ходе спасательных археологических работ, проводившихся на территории центральной и юго-западной части римского укрепления, экспедицией Института археологии НАН Украины под руководством К.К. Орлова было обнаружено восемь фрагментов плиты с латинской надписью (Орлов 1988: 19 – 21), которая внесла существенные коррективы в вопрос о римском гарнизоне Харакса.

Надпись была вырезана на плите плотного белого мрамора и представляла собой фрагмент правой части документа на латинском языке в профилированной рамке (Sarnowski, Zubar 1996: 229 – 234; Зубарь, Сарновский 1987: 50 – 59) (Рис. 19). Он состоит из десяти строк, вписанных в профилированную и покрытую красной краской рамку (*tabula ansata*). В правом нижнем углу, под рамкой, имелось изображение мужской маски. От другого изображения внутри рамки сохранились лишь незначительные следы заглабленности. До настоящего времени дошла приблизительно одна треть документа, который первоначально был вырезан на плите размерами около 140 × 80 см. Надпись нанесена на отполированную поверхность без линеек. Буквы высотой 3,5 – 5 см вырезаны глубоко, тщательно и красиво. За исключением буквы S и T в третьей строке, а также четырех лигатур (стр. 6: T+E; стр. 8: E+R и V+E; стр. 9: E+N), все остальные буквы расположены на значительном удалении друг от друга. Слова в надписи разделены точками треугольной формы. В конце последней строки помещен листик плюща. Шрифт памятника напоминает *scriptura monumentalis* и близок надписи на фронтоне неизвестной небольшой постройке из Тиры времени правления Антонина Пия (138 – 161 гг.) (Сон 1986: 60 – 68, рис. 1, 2), а лигатуры – посвятившей надписи из Херсонеса 185 г. (CIL III: 14214, 34 = IOSPE 12: 417 = Соломоник 1983: 37, № 9). Сохранившаяся часть документа читается:

-- -IBVS
 -- -NO ET
 -- -GVSTIS
 -- -HICIS//
 -- -III OP/- --
 -- -/ TEGVLIS
 -- - ANVS
 -- -ER VEXILLAT
 -- -AGENTE
 -- -XI CL

В конце четвертой строки, после HICIS и разделителя, сохранились остатки двух первых букв следующего слова: вертикальная гаста первой и апекс второй. В конце пятой строки видна вертикальная гаста с апексами. С левой стороны перед ET сохранился верхний фрагмент последней буквы (C, E, F, G, S или T) пред-

шествующего слова, а на поврежденной поверхности плиты перед NVS в седьмой строке виден нижний конец наклонной линии буквы A, R или X.

Пять первых строк документа содержит титулатуру двух (стр. 2-3: --]NO ET/[-- -AV]GVSTIS) Августов, которые именовались Парфянскими (стр. 4: [- -- -PART]HICIS) и одновременно в тот же самый раз (стр. 5: IIII или [V]IIII) были императорами. Первый из упомянутых императоров носил имя на -nus (стр. 2: [- --]NO). Учитывая эти данные, можно отождествить этих двух Августов с Марком Аврелием (161 – 180 гг.) и Луцием Вером (161 – 169 гг.), которые в 166 г. стали в четвертый раз императорами (Kienast 1990: 139, 144). Почетное имя *Parthicus maximus* они получили около середины этого же года после победы над парфянами (*victoria Parthica*) (Johne 1967: 178; Kneissl 1969: 97). Следовательно, надпись может быть датирована второй половиной 166 г. или началом 167 г., так как, вероятно, уже в 167 г. оба Августа были в пятый раз императорами, а Марк Аврелий в 171 г. стал им в шестой раз (Kienast 1990: 139, 144). Можно заключить, что в пятой строке надписи, кроме IMP, перед цифрой, были помещены только прозвища Августов – *Medici*, которые ими были получены также летом 166 г. (Kienast 1990: 139, 144)

Видимо, можно предположить и то, что перед [PART]HICIS в четвертой строке во множественном числе стоял титул *Armeniacus*, который Луций Вер носил с осени 163 г., а Марк Аврелий – с середины 164 г. (Kienast 1990: 139, 144). В пятой и шестой строках памятника упоминались в винительном падеже либо какие-то сооружения (OP[ERA]) с черепицей (TEGULI[S]), либо в творительном падеже пристройка или отделка, которой (например, *opere tectorio* – лепным декором) вместе с черепицей было дополнительно украшено существующее здание. Трудно сказать, шла ли в слове TEGVLIS речь о черепичной крыше или, например, об используемых часто в воздушном отоплении *tegulae mammatae*. В следующей, седьмой строке, говорилось о том, что такой-то (имя на -ANVS) построил, восстановил или украсил неизвестное нам сооружение. Название должности этого лица, скорее всего в сокращенном виде, занимало начало восьмой строки надписи. Как и в тирской строительной надписи времени правления императора Траяна (Nicorescu 1944: 502–503; Карышковский 1959: 116, № 5), вероятно, это был легат провинции Нижняя Мезия. В то время этот пост мог занимать либо М. Сервий Максим, либо М. Потий Лелиан (Stein 1944: 76 – 79; Fitz 1966: 47-48; Alföldy 1977: 232 – 233; Thomasson 1984: 20, 22). Однако нельзя исключить и того, что здесь упомянуто какое-то иное должностное лицо римской администрации (ср.: CIL VIII: 619 = ILS: 2747 = Saxer 1967: 42, 92, №74; Беляев 1968: 127 – 137). Но так или ина-

че, строительные работы в крепости были осуществлены солдатами вексиляции или вексиляций (стр. 8: [P]ER VEXILLAT[IONEM или IONES]),⁵ заботой (стр. 9: [C]VRAM] AGENTE) неизвестного нам, видимо, центуриона XI Клавдиева легиона (стр. 10: [- --> LEG] XI CL), штаб-квартира которого располагалась в Дуросторуме, в Нижней Мезии. Из нескольких возможных восстановлений утраченного в девятой строке названия принадлежности вексиляции или вексиляций наиболее приемлемым представляется засвидетельствованное вторым типом керамических клейм из Харакса наименование провинции (Moesia inferior), откуда в Таврику откомандировывались солдаты для несения службы.

Если предложенные выше наблюдения и замечания справедливы, то новая надпись из Харакса восстанавливается следующим образом:

[Imperatoribus Caesar]ibus
[M.Aurelio Antoni]no et
[L. Aurelio Vero Au]gustis
[Armeniaticis Part]hicus [Ma]-
[ximus Medicis imp.] IIII op[- - -]
[- - -] tegulis
[- - -] anus
[- - -] p]er vexillat(ionem или -iones)
[- - -] curam] agente
[- - -] (centurione) leg(ionis) XI Cl(audiae).

По мнению М. И. Ростовцева и В. Д. Блаватского, около середины II в. н. э. на м. Ай-Тодор вновь дислоцировался сравнительно сильный римский гарнизон, силами которого здесь была возведена римская крепость (Ростовцев 1900: 151; Блаватский 1951: 259). Это заключение хорошо согласуется с публикуемым новым эпиграфическим памятником, который является одним из самых ранних из известных сейчас документов, свидетельствующих о римском военном строительстве в Таврике. Исходя из восстановленного текста, можно говорить, что не позднее 166 г. здесь уже велось достаточно масштабное строительство, связанное с размещением на м. Ай-Тодор римского гарнизона. Причем, содержание надписи хорошо согласуется с результатами археологических исследований, проводившихся здесь К. К. Орловым. В ходе этих работ, как уже говорилось, было установлено, что целый ряд сооружений, в том числе оборонительные стены и термы, были построены не ранее II в. н. э. (Орлов 1988: 24, 26).

Из восьмой и девятой строк надписи следует, что в ней речь идет о каких-то строительных работах. Возведение крепости на м. Ай-Тодор, где отсутствовали источники питьевой воды и

⁵ По мнению профессора В. Эка, при написании текста памятника не имелась в виду передача удвоения L (L geminata) одной буквой, как первоначально думали издатели, но такое написание vexill было обычным в надписях, хотя поперечный штрих в нижней части второй буквы L значительно короче, чем в первом L.

где водоснабжение было возможно только с помощью специального водопровода, подававшего воду из родников с Ай-Петри к резервуарам-накопителям (Блаватский 1951: 289; Орлов 1988: 22), с известной долей вероятности позволяет предполагать, что в надписи могла упоминаться постройка, связанная с водоснабжением. Это могли быть, например, *orega thermaum* или *nymphaei*.⁶ В связи с этим следует вспомнить, что здесь были открыты два резервуара для воды. В одном из них, как уже говорилось, было обнаружено довольно много кровельной черепицы и фрагмент надписи, упоминающей нимфей (IOSPE 12: № 680). Причем, особое значение, которое придавалось здесь хранению воды, объясняется не только нуждами гарнизона, но и экипажей римских военных кораблей, которые курсировали вдоль Южного побережья Таврики и с помощью которых осуществлялась связь Харакса с Херсонесом, где располагалась главная штаб-квартира римских войск (Зубарь 1994: 55 – 56).

Судя по тексту надписи, римские солдаты (*vexillarii*), дислоцировавшиеся на Хараксе в 166 г., находились под командованием офицера XI Клавдиева легиона, хотя до настоящего времени считалось, что военнослужащие этого соединения появляются в Таврике, в отличие от Ольвии, не ранее рубежа II-III вв. н. э. (Зубарь 1991: 121 – 122; 1994: 57). Поэтому упоминание в новой надписи с мыса Ай-Тодор XI Клавдиева легиона позволяет несколько по-иному реконструировать систему римской организации в этом районе и проследить ее в динамике.

В настоящее время установлено, что в 60-х гг. II в. н. э. для охраны Тире, Ольвии и, видимо, Харакса выделялись солдаты из всех нижнегерманских легионов и вексиляции, дислоцировавшиеся в этих пунктах, были смешанными (Сон 1993: 33 – 34; Зубарь, Сон 1995: 181 – 187). Причем, в Ольвии и Хараксе они находились под командованием центурионов XI Клавдиева, а в Тире и Херсонесе – I Итальянского легионов. Поэтому не исключено, что в состав вексиляции Харакса в это время входили не только легионеры, но и солдаты вспомогательных подразделений римской Мезийской армии.

На территории могильника более позднего времени, расположенного в окрестностях римской крепости Харакс, в начале века был найден надгробный рельеф, который в настоящее время хранится в ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве (Ростовцев 1911: 38 – 39, табл. III, рис. 3; Дьяков 1930: 4). В верхней части надгробия изображены Фракийский всадник, собака и кабан, а ниже надпись, которая была восстановлена М. И. Ростовцевым следующим образом:

⁶ Ср., например, восстановленное солдатами XXII легиона в Могунтиакуме *opus the[r]marum*] (CIL XIII: 6804), *aquae ductus et nymphaei opu[s]* в Ламбезисе (CIL VIII: 2658), но и *opu[s] valetudinar[um]* (CIL XIII: 8009). О наличии нимфея в лагере III Августова легиона в Ламбезисе см.: Rakov 1979: 374 – 389.

D(is) M(anibus) / L. F(urio) Seu(tho) / op(tioni) / [prae]f(ecti) coh(ortis) I T[hr]acum ... – Богам Манам. Луций Фурий Севт, оптион префекта (помощник командира) I Фракийской (когорты) ... (Ростовцев 1911: 38; Блаватский 1951: 258).

Однако недавно М. Спейдел предложил несколько иначе восстанавливать эту надпись: D(is) M(anibus) / L. F(urio) Seu(tho) / [se]q(utori) p[rae]f(ecti) coh(ortis) I T[hr]acum. М. Спейдел полагает, что Л. Фурий Севт был *secutor* командира *вексилляции* I Фракийской когорты, который в римской армии соответствовал должности *optio praefecti*, т. е. помощника командира этого подразделения. М. Спейдел указал, что имя Севт в римской просопографии наиболее часто встречается в северовосточное время, что, видимо, дает основания датировать этот памятник рубежом II – III вв. или началом III в. При этом исследователь считает, что это надгробие, видимо, происходит не с территории Харакса, а откуда-то с территории Боспора и попало в бывший Алушкинский музей после революции из частной коллекции (Speidel 1989: 515 – 516; ср.: AE 1990: 871).

Но вряд ли на этом можно сейчас настаивать, так как, во первых, подавляющее большинство латинских эпиграфических памятников, обнаруженных в Крыму, происходит из района Херсонеса и Харакса, где дислоцировались военнотрудовые подразделения Мезийской армии, а на Боспоре пока известно только три надписи (КБН: 66, 691, 726), которые в той или иной мере можно связать с римскими военнотрудовыми (Зубарь 1998: 82 – 85). И, во-вторых, имеются данные о том, что надгробие Л. Фурия Севта найдено на территории более позднего могильника в окрестностях Харакса (Ростовцев 1911: 38 – 39), что исключает возможность связывать его с иным регионом Северного Причерноморья.

В составе римской армии известно десять первых Фракийских когорт, три из которых располагались на территории дунайских провинций Римской империи (Jarrett 1969: 215 – 224), и, следовательно, могли из своего состава выделять солдат для несения службы в Хараксе. *Cohors I Thracum Germanica Civium Romanorum Equitata* в конце I в. находилась в Верхней Мезии, а после Дакийских войн императора Траяна около 110 г. была расквартирована в Дакии, откуда в 116 г. передислоцировалась в Верхнюю Германию (Sichorius 1900: 335 – 336; Stein 1932: 212 – 214; Wagner 1938: 189 – 190; Benes 1978: 52, № 128/91). Сказанное в полной мере касается и *Cohors I Thracum Sagittarium*, которая во II в. была размещена в Верхней Дакии (Герасимова 1969: 8; Jarrett 1969: 200, № 18; Benes 1978: 52).

Иначе дело обстоит с *Cohors I Thracum Syriaca Equitata*, которая, судя по военным дипломам, была в 70 г. переведена из Сирии в Мезию, а после раздела этой провинции на две

(86 г.) входила в состав армии Верхней Мезии, где она фиксируется в 100 г. (CIL XVI: 22, 46). Она участвовала в войнах императора Траяна с даками, а после 106 – 110 гг. была переведена в Нижнюю Мезию, где ее лагерь находился в Трансмарииске (совр. Тутракан) (Jarrett 1969: 219; Benes 1978: 53; Strobel 1984: 144).

Исходя из всего этого, Луций Фурий Севт мог быть помощником префекта только *Cohors I Thracum Syriaca Equitata* и на него, возможно, были возложены функции командования отрядом кавалерии, который входил в состав римского гарнизона Харакса (Ростовцев 1911: 39, прим. 1). Не исключено, что основной лагерь этой когорты располагался в Трансмарииске, недалеко от Дуросторума – основной стоянки XI Клавдиева легиона, позволяет предполагать ее оперативное подчинение командованию этого соединения. Поэтому вполне вероятно, что солдаты *Cohors I Thracum Syriaca Equitata* находились на территории Харакса вместе с военнотрудовыми XI Клавдиева легиона.

Ввиду отсутствия источников, сейчас трудно сказать что-то определенное о динамике изменений в составе римской *вексилляции* Харакса. Нельзя исключить того, что после пребывания там около 166 г. военнотрудовых XI Клавдиева легиона они были заменены солдатами I Итальянского легиона, на базе которого с третьей четверти и до конца II в. формировался римский гарнизон, дислоцировавшийся в Херсонесе и его окрестностях (Зубарь 1991: 119 – 123; Зубарь, Сарновский, Савеля 1998: 74 – 83). Но невозможно полностью отрицать и того, что, в отличие от Херсонеса и его окрестностей, на территории Харакса вплоть до середины III в. ядро римского гарнизона составляли военнотрудовые XI Клавдиева легиона, которые в Херсонесе и его окрестностях в конце II или на рубеже II – III вв. сменили солдат I Итальянского легиона (Зубарь 1991: 119 – 123; 1994: 52; 1998: 117). Ведь при раскопках Харакса неоднократно встречались латинские клейма с аббревиатурой LEG XI CL, в которых написание букв достаточно близко аналогичным экземплярам из Херсонеса и раскопок у с. Заветное (Рис. 18). Именно это, а также отсутствие до самого последнего времени хорошо датированных памятников лапидарной эпиграфики с упоминанием XI Клавдиева легиона дало основание М.И. Ростовцеву и В.Д. Блаватскому, а вслед за ними и другим исследователям считать их самыми поздними и относить к концу II – первой половине III вв. (Ростовцев 1900: 144; Блаватский 1951: 256; ср.: Зубарь 1994: 63). Но после находки в 1984 г. рассмотренной латинской надписи на этом настаивать вряд ли можно, так как такое заключение пока не может быть проверено данными лапидарной эпиграфики.

Помимо военнотрудовых указанных легионов и солдат *Cohors I Thracum Syriaca Equitata*, М.И. Ростовцев в очень осторожной форме

предположил, что в составе римского гарнизона Харакса были и солдаты алы II Hispanorum et Arvasorum (IOSPE I2: № 677; Ростовцев 1911: 37), присутствие которой на территории Нижней Мезии фиксируется военными дипломами со времени Дакийских войн императора Домициана (81 – 96 гг.) и до конца II в. (Sichorius 1893: 1229 – 1230; Cheesman 1914: 75; Benes 1978: 10, № 23). Правда, М. И. Ростовцев, сделавший это предположение на основе фрагментированной латинской надписи с Ай-Тодора (Рис. 20, 3), настаивал на нем, а лишь не исключал возможности наличия солдат этого подразделения в составе гарнизона Харакса (IOSPE I2: 513). Действительно, в военных дипломах эта ала называется Arvasorum, а в лапидарных – Aravacorum (Benes 1978: 10; Diets 1985: 215) без удвоения *r*, как это имеет место в надписи с Ай-Тодора (ср.: Ростовцев 1911: 37) (Рис. 20, 3). Следовательно, до настоящего времени вопрос о присутствии солдат этой алы в составе римского гарнизона Харакса должен считаться открытым, и только новые эпиграфические находки могут внести окончательную ясность в этот вопрос. В свое время Н. П. Розанова предполагала, что с Хараксом можно связывать надгробие Луция Сабина, датирующееся II в. и хранящееся в Ялтинском музее (Розанова 1951: 151 – 154). Но с уверенностью об этом говорить нельзя. Сведения о месте его находки отсутствуют и он мог попасть в коллекцию музея не из Харакса, а из одной из многочисленных частных коллекций, которыми после революции пополнилось его собрание.

Фракийские посвященные рельефы, обнаруженные в так называемых святилищах бенефициариев, в свое время позволили М.И. Ростовцеву сделать достаточно убедительный вывод о том, что значительный процент в составе гарнизона Харакса составляли солдаты фракийского происхождения (Ростовцев 1900: 36). Об этом же косвенно свидетельствует и надгробие Луция Фурия Севта, помощника префекта I Фракийской когорты, долго время дислоцировавшейся на территории Подунавья. Процесс включения в состав римских воинских подразделений уроженцев провинций, где были расквартированы войска, особенно активно начался с 30-х гг. II в., после военной реформы Адриана (Dobson, Mann 1973: 191, 196; Campbell 1978: 165; Mann 1983: 38, 66; Kerrie 1984: 180 – 181). Причем во второй половине II в. он затронул не только вспомогательные войска, но и легионы, куда набирались жители провинциальных городов Подунавья (Weerd 1907: 305 – 312; Mann 1983: 37). Таким образом, состав римского гарнизона Харакса в этом отношении не составлял исключения и лишь подтверждает сделанные выводы относительно этнического состава Мезийской армии. Вполне возможно, что на территории Харакса жило какое-то количество гражданских лиц. В пользу этого косвенно свидетельствует фраг-

мент мраморной votивной плитки с надписью, в которой упоминается женское имя Parthenope (Ростовцев 1911: 42), хотя о наличии специальной канабы пока говорить не приходится (Орлов 1988: 25; ср.: Дьяков 1930: 29; Савеля, Сарновский 1999: 43 – 44).

Сейчас трудно что-то определенное сказать о количественном составе римского гарнизона, расквартированного на мысе Ай-Тодор. Видимо, можно согласиться с М. И. Ростовцевым в том, что состав римского гарнизона Харакса был смешанным и состоял в основном не из легионеров, а солдат вспомогательных подразделений (Ростовцев 1911: 38) и он находился под командованием центуриона (Sarnowski, Zubar 1996: 232; Зубарь, Сарновский 1997: 53 – 54). Причем, видимо, на основании надгробия Луция Фурия Севта нельзя исключить, что в состав римской вексилляции Харакса, помимо пехотинцев, входили кавалеристы, так как должность оптона известна в штабах именно конных вспомогательных подразделений (Domaszewski 1967: 55 – 59; ср.: Ростовцев 1911: 39, прим. 1). А это, наряду с другими косвенными данными, и в первую очередь наличием следов водопровода, который шел в римскую крепость, позволяет заключить, что на римскую вексилляцию, дислоцировавшуюся на мысе Ай-Тодор, была возложена не только защита самой крепости, но и его ближайших окрестностей. Следовательно, она не могла быть меньше квингенарной когорты численностью в 500 военнослужащих, что, по мнению М. И. Ростовцева, хорошо согласуется с размерами самой крепости (Ростовцев 1911: 38; Дьяков 1930: 33; Блаватский 1985: 232; ср. Rechardson 2000: 425–437). Причем, вне всякого сомнения, во второй половине II в. римская вексилляция Харакса в оперативном отношении была подчинена префекту всех воинских подразделений в Таврике, резиденция которого находилась в Херсонесе (Беляев 1968: 132 – 133; Кадеев 1981: 29; Зубарь, Сарновский 1997: 56 – 58).

На основании имеющихся в настоящее время материалов можно заключить, что римский гарнизон на мысе Ай-Тодор впервые появился в 60-х гг. I в. во время военной экспедиции Тиберия Плавтия Сильвана, в ходе которой на кораблях Равеннской эскадры в Таврику были переброшены солдаты морской пехоты. На основании находок латинских клейм с упоминанием Равеннской эскадры более или менее уверенно можно говорить, что именно в это время на мысе Ай-Тодор римскими военнослужащими было начато сооружение опорного пункта. Но, к сожалению, сейчас об этом можно говорить лишь на основании фрагментов черепицы с упомянутыми клеймами, так как какие-либо надежные следы строительной деятельности третьей четверти I в. пока археологически не выявлены. Однако римский гарнизон на Южном берегу Таврики находился недолго, и, вероятно, был выведен в связи с событиями граждан-

ской войны в Риме.

В начале 20-х гг. II в. римский гарнизон вновь фиксируется на территории Харакса, хотя пока не ясно, дислоцировался он здесь вплоть до 166 г. или же это было кратковременное пребывание военнослужащих, связанное с каким-то неизвестным нам экстраординарным событием причерноморской истории. В третьей четверти II в., как об этом свидетельствует латинская надпись 1984 г., на Ай-Тодоре римскими военнослужащими уже велось строительство и с этого времени и вплоть до второй четверти III в. вексиляция здесь дислоцировалась постоянно. Есть также основания полагать, что римские военнослужащие охраняли маяк, взяли под свой контроль более или менее обширные территории в ближайших окрестностях и наблюдали за каботажным судоходством вдоль южного берега Таврики.

К сожалению, сейчас трудно сказать, когда римские военнослужащие покинули крепость. М.И. Ростовцев полагал, что, судя по данным нумизматики, это произошло около 244 г. (Ростовцев 1900: 156; ср.: Блаватский 1951: 254; Sarnowski 1988: tabl. 8), что, видимо, было связано с подготовкой Филиппа Араба (244 – 249 гг.) к военным действиям против варваров, угрожавших Фракии и Мезии (Vinogradov, Zubar 1995/1996: 139 – 140; Виноградов, Зубарь, Антонова 1999: 78). Хотя, не исключено, что римский гарнизон был выведен из Харакса несколько ранее, во второй половине 30-х гг. III в., в связи с землетрясением, в результате которого могли быть разрушены оборонительные сооружения этой римской крепости. На возможность этого, в частности, указывают трещины сейсмического характера, обнаруженные на оборонительных сооружениях и ядре башни XVII Херсонеса (Антонова, Никонов 1995: 36). Ко времени после этих событий И. А. Антонова относит работы по обновлению и перестройке оборонительных сооружений в юго-восточной части города (Антонова 1996: 119), что косвенно подтверждается надписью 245 г., в которой говорится о постройке в Херсонесе башни (IOSPE I2: 439).

В связи с этим весьма показательны данные источников, сообщающих о том, что в 236/7 г. сильные землетрясения, с образованием на поверхности складок, имели место на территории Каппадокии и Понта (Guidoboni, Comastri, Traina 1994: 240 – 241, № 123).⁷ Сейсмическая волна от этих землетрясений, как и после землетрясения 480 г. (Виноградов 1998: 243), вполне могла докатиться и до Таврики, в результате

чего пострадали не только оборонительные сооружения Херсонеса и сооружения на Гераклеяском полуострове (Ковалевская 1998: 98), но и постройки на территории Харакса. Именно этими событиями, скорее всего, следует объяснять работы по укреплению оборонительных сооружений Херсонеса и возведение новых построек на месте разрушенных на территории цитадели, которые по археологическому материалу и эпиграфическим памятникам относятся к 40-м – 50-м гг. III в. (Антонова 1997: 12; Зубарь, Антонова 2000: 68 – 70).

Но как бы там ни было, после ухода римских солдат водопровод и оборонительные сооружения Харакса были разрушены (Орлов 1988: 22, 27), а мыс Ай-Тодор занят представителями готского разноэтничного союза племен, которым принадлежали погребения, совершенные по обряду кремации в окрестностях бывшего римского опорного пункта (Блаватский 1951: 262 – 274; Орлов 1987: 106 – 132; Сидоренко 1987: 133 – 143; Гей, Бажан 1997: 31 – 35). Причем, не исключено, что их размещение здесь было согласовано с римской администрацией, которая рассматривала обитавших здесь варваров в качестве союзников империи (подр. см.: Зубарь 1998: 148 – 150; ср.: Гей, Бажан 1997: 34).

Суммируя все сказанное, следует отметить, что имеющиеся в настоящее время материалы позволяют заключить, что на протяжении более ста лет мыс Ай-Тодор был одним из наиболее значительных после Херсонеса пунктов римского военного присутствия в Таврике. Основной задачей расквартированных здесь солдат римской вексиляции было обслуживание маяка, наблюдение за каботажным плаванием вдоль берегов Южного берега Крыма и его охрана от пиратских вылазок варваров. Но, наряду с этим, римлянами была взята под контроль и территория в непосредственной близости от крепости. Следовательно, размещение и длительное присутствие на Ай-Тодоре римских военнослужащих должно было стать фактором, который в значительной мере определял военно-политическую ситуацию в этом районе. К сожалению, в результате застройки окрестностей и самой крепости в XX в. многие памятники погибли безвозвратно, но, как представляется, исследования всего комплекса проблем, связанных с Хараксом, должно быть продолжено, и начать следует с публикации всех категорий массового археологического материала, полученного в ходе многолетних раскопок на Ай-Тодоре под руководством К. К. Орлова, который до настоящего времени не введен в научный оборот. Это значительно расширит источниковую базу и позволит получить более объективную картину различных аспектов римского военного присутствия в Южной Таврике во всем ее многообразии и неповторимости.

⁷ В эпитафии из Амасии, в которой говорится об этом землетрясении, Ю. Г. Виноградов считает возможным восстанавливать не $sl[h00]$ – 238 г. = 235 – 236 гг. н. э. по зре этого центра, начало которой относится к 3/2 г. до н. э. (см.: Leschorn 1993: 115 – 118), а $sl[y00]$ – 239 г., что соответствует 236/7 г. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

- Антонова И. А. 1996. Юго-восточный участок обороны Херсонеса // Хсб. Вып. 7.
- Антонова И. А. 1997. Административное здание Херсонесской вексилляции и фемы Херсона // Хсб. Вып. 8.
- Антонова И. А., Никонов А. А. 1995. Следы сейсмических воздействий на оборонительных сооружениях Херсонеса // Проблемы сейсмоопасности Крыма. – Сборник материалов конференции. Севастополь.
- Беляев С. А. 1968. К пониманию CIL VIII: 619 // ВДИ. № 4.
- Блаватский В. Д. 1951. Харакс // МИА. № 19.
- Блаватский В. Д. 1985. О римских войсках на Таврическом полуострове в I в. н. э. // Античная археология и история. М.
- Велков В. 1961. Из истории Нижнемезийского лимеса в конце I в. н. э. // ВДИ. № 2.
- Виноградов Ф. А. 1910. Развалины на Ай-Тодоре // Гермес. №9 – 10.
- Виноградов Ю. Г. 1998. Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (В свете датированных боспорских надписей V века) // ВДИ. № 1.
- Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. 1999. Schola principalium в Херсонесе // НЭ. Т. XVI.
- Гей О. А., Бажан И. А. 1977. Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа). М.
- Герасимова В. 1969. Размещение на римские мощи войски през II в. в Мизия и Дакия // Археология. Кн. 4.
- Дьяков В. Н. 1930. Древности Ай-Тодора. Ялта.
- Дьяков В. Н. 1942. Таврика в эпоху римской оккупации // Уз. МГПИ. Т. 28. Вып. 1.
- Зубар В. М. 1988. Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. Вып. 63.
- Зубар В. М. 1990. Нотатки з латинської епіграфіки Херсонеса і Харакса // Археологія. № 2.
- Зубар В. М. 1991. Новий латинський напис з Болгарії і деякі питання історії Таврики // Археологія. № 1.
- Зубар В. М. 1993. Нові свідотства про римські війська в Херсонесі // Археологія. № 4.
- Зубарь В. М. 1994. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. К.
- Зубар В. М. 1995. Про ранню дату клейм Мезійського Флавієва Флота // Археологія. № 4.
- Зубарь В. М., Сарновский Т. 1997. Новая латинская строительная надпись с Ай-Тодора и некоторые вопросы римской военной организации в Таврике во второй половине II в. // ВДИ. № 4.
- Зубар В. М., Сарновский Т., Савеля О. Я. 1998. Нові латинські написи з римського храму в околицях Херсонеса Таврійського // Археологія. № 4.
- Зубарь В. М. 1998. Северный Понт и Римская империя (середины I в. до н. э. – первая половина VI в.). К.
- Зубарь В. М., Сон Н. А. 1995. К интерпретации одной латинской надписи из Ольвии (IOSPE, I2, № 322) // ВДИ. № 3.
- Зубарь В. М., Антонова И. А. Новые данные о римском гарнизоне Херсонеса в первой половине III в. // ВДИ. № 1.
- Кадеев В. И. 1981. Херсонес Таврический в первые века н. э. Харьков.
- Карышковский П. О. 1959. Надписи Тиры // ВДИ. № 4.
- Карышковский П. О., Клейман И. Б. 1985. Древний город Тира. Киев.
- Кеппен П. О. 1837. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.
- Ковалевская Л. А. 1998. Керамический комплекс конца II – первой половины III вв. н. э. из раскопок виллы 341 // Хсб. Вып. 9.
- Кондараки В. Х. 1873. Универсальное описание Крыма. Николаев. Ч. 1.
- Малеванный А. М. 1997. История иллирийцев и римской провинции Иллирик. Тула.
- Орлов К. К. 1975. Отчет об археологическом обследовании холма Тоха-Дахир и урочища Осман в Артеке в 1975 // НА НАНУ. Дело № 1975/22 б.
- Орлов К. К. 1977. Отчет об археологических исследованиях римской крепости Харакс в 1977 г. // НА ИА НАНУ. Дело № 1977/17а.
- Орлов К. К. 1978. Исследования Харакса // АО за 1977 г. М.
- Орлов К. К. 1980. Раскопки внутрикрепостной территории Харакса // АИУ, 1978 – 1979 гг. – Тезисы докладов. – Днепропетровск.
- Орлов К. К. 1980. Отчет об археологических исследованиях римской крепости Харакс в 1980 г. // НА ИА НАНУ. Дело № 1980/ 10 «0»а .
- Орлов К. К. 1981. Отчет об археологических исследованиях римской крепости Харакс в 1981 г. // НА ИА НАНУ, дело № 1981/3 «3» б.
- Орлов К. К. 1982. Раскопки терм Харакса // АО за 1981 г. М.
- Орлов К. К. 1984. Работы Ай-Тодорского отряда // АО за 1982 г. М.
- Орлов К. К. 1985. Изучение Харакса // АО за 1983 г. М.
- Орлов К. К. 1987. Ай-Тодорский некрополь // Материалы по этнической истории Крыма VII в. до н. э. – VII в. н. э. Киев.
- Орлов К. К. 1988. Архитектурные комплексы Харакса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев.
- Репников Н. И. 1941. О характере римской оккупации Южного берега Крыма // СА. Т. 7.
- Розанова Н. П. 1951. Эпиграфические памятники Ялтинского музея // ВДИ. № 1.
- Ростовцев М. И. 1900. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость // ЖМНП. Март.
- Ростовцев М. И. 1911. Святылище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК. Вып. 42.
- Савеля О. Я., Сарновский Т. 1999. Две латинских надписи из Балаклавы и Херсонеса // ВДИ. № 1.
- Сапрыкин С. Ю. 1981. Черепица с клеймами римского легиона из усадьбы хоры Херсонеса // КСИА. Вып. 168.
- Сидоренко В. А. 1987. К вопросу об этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV – начала V вв. с подражаниями «лучистинского типа» // Материалы по этнической истории Крыма VII в. до н. э. – VII в. н. э. Киев.
- Соломоник Э. И. 1966. О римском флоте в Херсонесе // ВДИ. № 2.
- Соломоник Э. И. 1983. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М.
- Сон Н. А. 1986. Новая латинская надпись из Тиры // ВДИ. № 4.
- Сон Н. А. 1993. Тира римского времени. Киев.
- Фирсов Л. В. 1975. Известковый вяжущий раствор в оборонительных стенах Харакса (Крым) // СА. № 1.
- Фирсов Л. В. 1990. Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск.
- Шелов Д. Б. 1981. Римляне в Северном Причерноморье во II в. н. э. // ВДИ. № 4.

- Шульц П. Н. 1958. О некоторых вопросах истории тавров // ПИСПАЭ. М.
- Alföldy G. 1977. Konsulat und Senatorenstand unter den Antoninen. Prosopographische Untersuchungen zur senatorischen Führungsschicht. Bonn.
- Aricescu A. 1977. Armata în Dobrogea Romană. București.
- Baatz D. 1975. Der römische Limes. Archäologische Ausflüge zwischen Rhein und Donau. – Berlin.
- Benes J. 1978. Auxilia Romana in Moesia atque in Dacia. Praha.
- Bollini M. 1968. Antichita classiarie. Ravenna.
- Breeze D. 1974. The Organisation of the Career Structure of the Immunes and Principales of the Roman army // Bonner Jahrbücher. Bd. 174.
- Bulet R. 1989. The Continental Litus Saxonicum // The Saxon Shore. – Exeter (=Exeter Studies in History 25).
- Campbell B. 1978. The Marriage of Roman Soldiers under the Empire // JRS. Vol. 18.
- Cheesman C. L. 1914. The Auxilia of the Roman Imperial Army. Oxford.
- Cichorius C. 1900. Ala // RE. Bd. 1.
- Ńlauss M. 1990. Mithras. Kult und Mysterien. Munchen.
- Condurachi Em. 1974. Classis Flavia Moesica au I-er siècle de N. E. // D'Études sur les frontieres Romaines. Actes du IX-e Congres International. – București, Köln, Wien.
- Die Römer in Hessen. 1982. Stuttgart.
- Diets K. 1985. Das älteste Militärdiplom für die Provinz Pannonia Superior // Bericht der römisch-germanischen Kommission. Bd. 65.
- Dobson B., Mann J. C. 1973. The Roman Army in Britain and Britons in the Roman Army // Britannia. Vol. 4.
- Domaszewski A. 1967. Die Rangordnung des römischen Heeres. – Wien, Köln.
- Eck W. 1983. Jahres- und Provinzialfasten der Senatorischen Statthalter von 69/70 bis 138/139 // Chiron. Fellmann R. 1983. Principia-Stabsgebäude // Limesmuseum Aalen. Heft 31.
- Fiebigler E. 1899. Classis // RE. Bd. 3.
- Fitz J. 1964. Ummidio Quadrato Governatore della Moesia Inferiore // Epigraphica. 4 26.
- Fitz J. 1966. Die Laufbahn der Statthalter in der römischen Provinz Moesia Inferior. Weimar.
- French D. H. 1984. Classis Pontica // Epigraphica Anatolica. IV.
- Guidoboni Ed. E., Comastri A., Traina G. 1994. Catalogue of Ancient Earthquakes in the Mediterranean area up to the 10th Century. Roma.
- Jarrett M. G. 1969. Thracian Units in the Roman Army // Israel Exploration Journal. Vol. II.
- Johne K.-P. 1967. Zu den Siegerbeinamen der Kaiser Marc Aurel und Commodus // Klio. 48.
- Johnson A. 1990. Römische Kastelle. Mainz am Rhein.
- Johnson S. 1989. Dover // The Saxon Shore. Exeter (= Exeter Studies in History 25).
- Keppie L. 1984. Making of the of the Roman Army from Republic to Empire. New York, Tawota.
- Kienast D. 1966. Untersuchungen zu den Kriegsflotten der römischen Kaiserzeit // Antiquites. – Abhandlungen zur alten Geschichte. Bd. 13.
- Kienast D. 1990. Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiser chronologie. – Darmstadt.
- Kneissl P. 1969. Die Siegestitulatur der römischen Kaiser. Göttingen.
- Leschorn W. 1993. Antike Aren. Stuttgart.
- Luttwak Ed. N. 1976. The Grand Strategy of the Roman Empire. From the First Century A. D. to the Third. Baltimore and London.
- Mann J. C. 1983. Legionary Recruitment and Veteran Settlement during the Principate. London.
- Nicorescu P. 1944. O inscripție a împăratului Traian găsită la Cetatea Albă // Analele Academiei Române. Memoriile secțiunii istorice. Ser. III, 26.
- Petrikovits H. v. 1975. Die Innenbauten römischer Legionslager während der Prinzipatszeit // Abhandlungen der Rheinisch – Westfälischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 56.
- Rădulescu A., Munteanu M. 1977. Unveröffentlichte Inschriften aus Tomis und Callatis // Epigraphica (VII Congres International d'Epigraphie Grecque et Latine). – București.
- Rakov F. 1979. Das Groma – Nymphaeum im Legionslager von Lambaesis // RM. 86
- Redde M. 1986. Mare Nostrum. Les infrastructures, le dispositif et l'histoire de la marine militaire sous l'Empire romain. Rome.
- Richardson A. 2000. The numerical Basis of roman Camps // Oxford Journal of Archaeology. 19 (4).
- Rostovzeff M. 1902. Römische Besetzungen in der Krim und das Kastell Charax // Klio. II. I.
- Sarnowski T. 1988. Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na Północnym wybrzeżu morza Czarnego. Warszawa.
- Sarnowski T., Zubar V. M. 1996. Römische Besatzungstruppen auf der Südkrim und eine Bauinschrift aus dem Kastell Charax // ZPE. Bd. 112.
- Sarnowski T., Savelja O. 1998. Das Dolichenum von Balaklawa und die römischen Streitkräfte auf der Südkrim // Archeologia. 49.
- Saxer R. 1967. Untersuchungen zu den Vexillationen des römischen Kaiserheeres von Augustus bis Diokletian. – Bonn.
- Speidel M. P. 1989. Furius' Gravestone from the Crimea // The Eastern Frontier of the Roman Empire. BAR. 553 (II).
- Starr C. G. 1960. Roman Imperial Navy 31 D. C. – 324 A. D. – New – York.
- Stein E. 1932. Die kaiserlichen Beamten und Truppenkörper im römischen Deutschland unter dem Prinzipate. Wien.
- Stein A. 1940. Die Legaten von Moesien. Budapest.
- Strobel K. 1984. Untersuchungen zu den Dakerkriegen Trajans. Studien zur Geschichte des mittleren und unteren Donaauraumes in der hohen Kaiserzeit. Bonn.
- Syme R. 1968. Ummidii // Historia. Bd. 17.
- Thomasson B. E. 1984. Laterculi praesidium. Gøteborg. Vol. I.
- Vinogradov Ju. G., Zubar V. M. 1995/1996. Die Schola Principium in Chersonesos // Il Mar Nero. II.
- Wagner W. 1938. Die Dislocation der römischen Auxiliarformationen in den Provinzen Noricum, Pannonien, Moesien und Dacien von Augustus bis Gallienus. Berlin.
- Watson G. R. 1969. The Roman Soldier. London.
- Weerd H. 1907. Étude historique sur trois legions romaines du Bas-Danube. Paris.
- Wheeler R. E. M. 1929. The Roman Lighthouses of Dover // Archaeological Journal. LXXXVI.